

Университеты

Василий Панфилов

Россия, которую мы...

Василий Панфилов

Университеты

«Василий Панфилов»

2021

Панфилов В. С.

Университеты / В. С. Панфилов — «Василий Панфилов»,
2021 — (Россия, которую мы...)

Париж! Город контрастов, в котором в единое целое переплетаются нравы богемы, мрачные подземелья, выставки картин и Большая Политика, в которой Егор вынужден принимать участие. Он, собственно, и не очень-то хочет... Но кто, если не он?!

Содержание

Пролог	6
Первая глава	7
Вторая глава	11
Третья глава	15
Четвёртая глава	19
Пятая глава	23
Шестая глава	28
Седьмая глава	33
Восьмая глава	41
Девятая глава	45
Десятая глава	49
Одиннадцатая глава	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Василий Панфилов

Университеты

Василий Сергеевич Панфилов

* * *

Пролог

Решительно не чувствуя себя побеждёнными, британцы признали за противниками раунд, отказываясь признать поражение. Сотрясаемая колониальными бунтами и тяжелейшим финансовым кризисом, Империя металась в политическом бреду.

Острая полемика в Британской прессе переходила подчас все границы дозволенного. Писали зло, жёстко, без какой-либо оглядки на последствия, и отборные помои из фактов, домыслов, компромата и ругательств выливались на головы весьма высокопоставленных персон.

Доставалось и королевской семье, не исключая и принца Альберта¹. Много больше и злее доставалось коронованным особам Европы, и более всего Вильгельму, которого британская пресса объявила если не Врагом Рода Человеческого, то как минимум Британии.

Нападки эти заметно усложняли переговоры, прибавляя дипломатам непреходящей головной боли. Британские журналисты не щадили ни своих, ни чужих, считая штрафы и тюремные сроки неотъемлемой частью профессии.

С газетных страниц ядовитым смогом стекали тяжёлые слова, обличающие политические партии и власть имущих, и британский обыватель всегда мог выбрать, кого же ему ненавидеть сегодня? Однако же все, без единого исключения, сходились в ослепляющей ненависти к колониям, посмеявшим "ударить в спину сражающейся Британии".

Чем ниже общественное положение и уровень образования, тем выше градус слепой ненависти. Ненависть эта, всколыхнув Метрополию, докатилась до Колоний волной цунами, и замирный было Китай откликнулся новыми восстаниями, а в Индии запыхала не только Бенгалия, но и прочие, прежде лояльные территории.

Прорвавшись гнойниками в Колониях, ненависть эта, к немалой растерянности власть имущих, дала метастазы в Метрополии. Помимо традиционного уже развлечения лондонцев, забрасывающих мусором посольства, по Британии прокатилась волна погромов – немецких, французских, русских и...

... еврейских, к вящему смущению британского истеблишмента. Попытки объяснить толпе, что иудеи неоднородны, равно как и представители англосаксонской расы, особым успехом не увенчались.

Впрочем... а были ли эти попытки серьёзны? Толерантное отношение к иудаизму и его отдельным представителям не отрицает собственных интересов джентльменов.

Меркантильные ли интересы, или оскорблённое чувство национального самосознания, взъевшееся на всех иудеев разом, урвавших кусок африканской территории... А какая, собственно, разница?!

Погромы, равно как и неприязнь низших классов, всколыхнули сонный уют британских иудеев. Незыблемая их уверенность дала трещины, и одни принялись горячечно доказывать патриотизм, другие же привычно насторожились, и финансовые потоки начали менять направление.

А потом...

... всё это перестало иметь значение. Шестого августа тысяча девятисотого года умерла королева Виктория. Викторианская Эпоха закончилась, и Британия, а следом и весь мир, замерли в растерянном ожидании.

---

¹ Альберт (Альберт Эдуард), он же "Берти" – в Реальной Истории король Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, император Индии с 22 января 1901 года и вплоть до своей смерти 6 мая 1910 года, коронованный под именем Эдуард VII.

Первая глава

Парижский вояж наш начался с несколько авантюрной ноты, и я остро почувствовал себя второстепенным героем низкопробного детектива, наблюдая за метаниями консула. Почтеннейший Клаус Хольст, получив от начальства соответствующие указания, с рвением необыкновенным взялся сопровождать меня, изрядно наскучив марсельским своим сидением.

С мальчишеским совершенно азартом, уважаемый бауэр добывал нам билеты через третьих лиц, менял парики в перемещениях по городу и строил планы, всячески развлекаясь. Признаться, на хаотические его действия я смотрел не без скепсиса, не зная лишь, как подступиться с объяснениями.

Полуобразованный, как и все почти буры, он недурно справляется со своими обязанностями, но подчас весьма болезненно относится к любой критике. Благо, выяснил я это не на своём опыте, ибо вражда с этим достойным, но изрядно злопамятным человеком в мои планы не входит. Разветвлённые родственные связи, благодаря которым он и получил пост консула, могут стать как препоной, так и трамплином для моих планов в Южной Африке, и посему приходится соблюдать немалую осторожность.

Не без труда найдя нужные аргументы и отрепетировав речь, равно как и все возможные возражения, я убедил Хольста несколько изменить планы. Поскольку самолюбие его ничуть не пострадало, да и хаотические метания признаны были исключительно уместными, почтеннейший консул с превеликим энтузиазмом принялся воплощать мою идею в жизнь.

Собственно, ничего почти менять и не пришлось. Соблюдая все правила конспирации, вычитанные из третьесортных детективов, до коих он оказался большим любителем, Клаус Хольст сел на поезд и отбыл в Париж, собрав с собой в эскорт едва ли не всех озадаченных агентов, оказавшихся в те дни в Марселе.

В путешествии ему полагалось многозначительно кивать в толпу, делать разнообразные знаки и всячески делать вид, будто консул сопровождает кого-то, выполняя заодно какую-то секретную миссию. Идея моя, будучи правильно поданной, пришлась Хольсту по вкусу, и отхотавшись, он пообещал мне сделать всё возможное, чтобы развлечься как следует.

Я же, выждав до вечера, в обличии молодого, но уже потрёпанного бытием жида, купил себе дешёвый "ночной" билет в вагон второго класса. Собрательный образ палестинского иудея из числа воинствующих, с револьвером в кармане и мозолистыми руками человека, привычного к труду, показался мне как нельзя более уместен.

Французское общество хоть и славится отменным антисемитизмом, но откровенная чуждость образа несколько успокаивала ретивцев, давая недвусмысленный сигнал о человеке временном. Вкупе с револьвером в кобуре и повадками человека, готового стрелять без всяких раздумий, привычного прежде всего к оружию и поводам, а к Талмуду разве что в третью очередь, выходило более чем убедительно.

Сразу почти выяснилось, что можно было бы не стараться делать облик столь выпуклым и детальным. Проработанная легенда и мельчайшие детали характера и биографии, к некоторой моей досаде оказались не востребованными. Зря я, оказывается, надрывал фантазию, рисуя биографическую миниатюру, когда можно было ограничиться широкими мазками декорации в третьесортном провинциальном театре.

Мирная конференция, проходящая в Париже, будто через соломинку в зад надула эго франков, сделав их до приторности любезными, важными и дипломатичными. От полицейского и кассира на вокзале, до любого из встреченных пассажиров, все вели себя крайне предупредительно, даже если в глазах весенним ледком застывала ненависть.

И кажется, чем больше мой жидовский образ был неприятнее человеку, тем предупредительней он себя вёл. Но разумеется, понял я это не вдруг.

Проществовав по привокзальной площади с откинутой в сторону полкой сюртука и демонстрируя окружающим револьвер, наглинку и выветленные добела волосы, вкуче с загаром и рядом иных деталей долженствующие показать меня боевитым палестинским ашкеназом, я добился только любопытствующих глаз да резиновых улыбок.

– Месье... – рослый немолодой ажан, воплощение служебной любезности, прикоснулся к фуражке двумя пальцами, – вам помочь?

Навязав свою помощь в покупке билета, полицейский с нескрываемым облегчением сопроводил меня до вагона, сдав проводнику. Что характерно, попытки спросить документы даже не возникло, и я бы даже сказал – несколько даже демонстративно.

– Месье Хейфиц из Палестины, – представил меня ажан, утомлённый ершистой биографией моего образа и нарочито дурным французским, щедро разбавленным идишем и немецким, – командирован своей общиной на мирную конференцию в качестве наблюдателя.

Пробираясь на своё место под пристальными взглядами пассажиров, в которых мне порой отчётливо чудились винтовочный прищур, я...

"– Олимпиада 1936" – многозначительно сказало подсознание и замолкло, оставив сложную, быстро тающую цепочку ассоциаций.

... смутно уловил суть, но не стал морализаторствовать, а просто принял во внимание, сделал в памяти своеобразную зарубку.

Не считая несколько напряжённой атмосферы из-за моего драматического появления, особого различия с российскими вагонами второго класса я не ощутил. Несколько иной декор, ничуть притом не лучший, да пахнет больше не луком и водкой, а чесноком и вином, да более резкие запахи помад, вежателей и прочего парфюма. А в остальном всё та же смесь провинциального дворянства, мелких чиновников и лавочников, разве что крестьян побольше, да поведение более демократичное.

Однако же на уровне более глубинном отличии чувствовались, и до чесотки захотелось включить режим этнографа, изучая быт и нравы аборигенов, но увы. Образ мой предполагает некоторую колючесть, политизированность и боевитость, полагающиеся палестинским иудеям едва ли не де-юре.

Получасом позже меня приняли-таки как данность, включив некоторым образом в экосистему вагона, хотя и несколько наособицу, как существо безусловно опасное. Обитатели вагона разделились на компании, и пошли обычные для путешествующих разговоры, игра в карты и шахматы, чтение и дремоту. Ну и разумеется, везде что-то жевали, грызли, обсасывали и пригубляли, неспешно трапезничая по французскому обычаю.

Мало-помалу, в разговоры, а затем и в совместную трапезу втянули и меня. Попутчиков не смутил даже нарочито колючий образ, едва ли не бьющийся током при ближайшем рассмотрении.

– Месье...

– Хейфиц, Сруль Хейфиц, – отвечаю атлетически сложенному мужчине, главенствующему в небольшой разномастной компании, и подсознание хихикнуло чему-то, снова разродившись цепочкой ассоциаций.

– Базиль Анри Леруа, – чуть поклонился атлет, не вставая. Следом за ним скороговоркой представились прочие члены компании.

– Месье Хейфиц, приглашаем вас разделить с нами хлеб, – торжественно сказал Леруа, каким-то очень священническим жестом указав на разложенную еду, – если, разумеется, вы не слишком строго соблюдаете кашрут.

– Я не религиозен, – не чинясь, подсаживаюсь к компании, выкладывая на общий стол свои припасы.

Обходя благоразумно дело Дрейфуса и тому подобные неприятные реалии французского антисемитизма, собеседники мои с большим интересом расспрашивали о реалиях Палестины и житие иудейских общин в тех библейских местах.

Тропинка нашей беседы вилась самым причудливым образом, затрагивая то палестинские события, то мирную конференцию, а то и европейскую моду, непременно почему-то в контексте провинциальной деревенской жизни. Французы, мня себя законодателями европейской и мировой моды, не всегда соотносят реалии высокой парижской моды, и собственные скромные возможности при не всегда безупречном вкусе.

Бытие в шкуре молодого палестинского сиониста оказалось неожиданно интересным, и я бы сказал – с перчинкой. Видя, как осторожно собеседники обходят проблемы, которые считают острыми, и с какой носорожьей деликатностью топчутся там, где действительно стоило бы проявить дипломатичность, забавно. Ещё более забавно отвечать им от лица сионистов, не являясь таковым ни по крови, ни тем паче по убеждениям.

Разбираюсь я в этом более иного реального сиониста – хотя бы потому, что могу взглянуть на какие-то философские или же материалистические проблемы отстранённо, без национальных и религиозных заскоков. Ну и круг общения, н-да...

– Нет, нет и ещё раз нет! – отстранённо горячился я, делая глаза, лицо и прочее так, как и полагается молодому политизированному и немножечко говнистому жиду при споре.

– Гийом... ну вы же умный человек, – чуть спокойней обратился я к провинциальному мелкому лавочнику, и тот приосанился... – а говорите иногда такие глупости!

– Нет! – я выставил руки, – винить вас в этом я не могу, это довлеет над вами веками, кажется аксиомой, а на деле – просто с детства заученные вещи, не являющиеся истиной. Подобные проблемы есть у каждого народа... да-да, и у нас тоже!

Гийом нехотя, но всё ж таки кивнул, и полное лицо его с бульдожьими совершенно брылями, колыхнулось значительно. Лавочник позиционирует себя человеком думающим и априори нейтральным, как и положено здравомыслящему деревенскому торговцу, опасаящемуся поссориться с покупателями. Маска эта с годами приросла к нему, став частью естества, и даже если мужчина не согласен с чем-то, реагировать он привык сдержанно.

– Вы, кажется, получили духовное образование, Базиль? – повернулся я к атлетически сложенному учителю.

– В Страсбурге, – кивнул тот, – но вовремя понял, что для духовной стези я слишком приземлён.

– В католицизме есть какие-то... э-э, духовные аксиомы, в которые полагается просто верить?

– Есть, разумеется, – отозвался Базиль, переглянувшись с Франсуа и Габриэлом, молодыми фермерами, сидящими по большей части молча и воспринимающими нашу беседу чем-то вроде бесплатного театрального представления.

– Вот! – загорячился я, – О чём я и твержу! Аксиомы, господа! Иудеев принято почему-то воспринимать как некую единую общность, спаянную воедино кровью и религией.

– А разве не так? – подал-таки голос Франсуа, и тут же оглянулся на учителя, как на человека безусловно более умного и авторитетного.

– Нет, разумеется! Вы же не считаете германцев единым народом? В одной только Германии сотни княжеств со своими диалектами и обычаями, а есть ведь ещё Австрия, Дания, Швеция... Тоже ведь германские племена, с родственными народами, языками... и все, все без исключения – христиане!

– Это совсем... – начал было фермер и замолк, – хм...

– И это не мешает им воевать, – развёл я руками. Затем пришлось прочитать целую лекцию о национальных и религиозных различиях среди иудеев, вызвавшую большой интерес. Подтянулись и любопытствующие, так что аудитория оказалась достаточно обширной.

Попутчики мои были потрясены бушующими страстями и совершенно шекспировским накалом ненависти между отдельными группами иудеев. Пришли в итоге к выводу, что люди все разные, и если нельзя судить всех марсельцев по представителям портового отребья, то нельзя и судить иудеев по не лучшим, или просто неприятным представителям этого народа.

Если кто был не согласен и хотел поспорить, то аргументы свои он приводил в весьма дипломатичной форме. Однако нашлись и молчуны, скептически хмурившиеся и скреживающие руки на груди. Такие бывают в любой, хоть сколько-нибудь большой компании, независимо от темы спора. И всё бы хорошо...

... но выложенную мной еду никто не стал есть, хотя фермеры деликатности ради... или придерживаясь чего-то иного, завернули в салфетки и спрятали в карманы всего по чуть-чуть.

Поступок этот меня ничуть не покоробил, но сердце кольнуло болезненным предчувствием большой беды.

Французский антисемитизм, помноженный на сложные франко-германские отношения – с одной стороны, и Африканская Иудея в составе Южно-Африканского Союза, но под покровительством Германии – с другой.

... насколько жизнеспособна химера союзничества в такой ситуации?

Я всё никак не мог заснуть, снова и снова проматывая в голове сложно завязанный клубок политических проблем. Кто, с кем... Не могу сказать, что ситуация сложилась вовсе уж печальная, но что покровительство кайзера Иудее на порядок усложнило ситуацию в Союзе и среди союзников, это факт.

Поворочавшись под стук колёс и храпение попутчиков, я постарался выкинуть из головы международную политику, но на смену ей пришла политика внутренняя, более для меня важная. А именно, готовность французов слушать...

"– Если они готовы так вот – жиды... то может быть, выслушают и русского? Я, дядя Гиляй... неужто не найдём слов, не достучимся?! Я не я буду... услышат!"

Вторая глава

На вокзале, запершись в кабинке туалета, я в несколько минут переменял жидовское своё обличье, и вскоре молодой эльзасец смешался с толпой приезжих, выйдя на привокзальную площадь, заполненную народом. Устроив себе краткую экскурсию по городу, убедился, насколько это вообще возможно, в отсутствие слежки, и только затем пришёл на условленное место на Монмартре.

– Месье... – смерил меня взглядом юный Гаврош с русской газетой в руках.

– Боланже, – отозвался я, улыбаясь смущённо, как и полагается провинциальному таланту, прибывшему в Париж в поисках славы, – Анри Боланже.

– Робер, просто Робер, – с ехидцей отозвался чичероне, сворачивая газету в трубочку. Отлепившись от грязной стены с облупившейся штукатуркой, мальчишка махнул кому-то наверху, и мешая изысканный французский с немислимым местным жаргоном, пообещал скоро вернуться.

Дёрнув небрежно лохматой головой, он с кошачьей грацией заструился по узким переулкам, оглядываясь то и дело на меня, успеваю ли? Нырять то в сквозные подъезды, а то и в подвалы, ведущие Бог знает куда, проводник выныривал благополучно в узких сырых переулках, мне же оставалось лишь следовать за ним, пребывая в настороженной готовности.

Закружив меня напрочь, Гаврош в единый миг остановился у неприметного дома с подслеповатыми окошками цокольного этажа, утопленными в брусчатку, и оттарабанил по двери сложный ритм костяшками сбитых пальцев.

– Жюль! – чичероне засунул пальцы в рот и засвистел переливчато, – Жюль! Глухой ты... постояльца привёл, открывай давай!

Рослый привратник, похожий на гориллу в берете и на сутенёра разом, приотворив двери, смерил меня взглядом мясника на пенсии, и выпустил. Сложные переходы, с подъёмами и спусками уверили меня в том, что мы уже точно не в том доме, и как бы даже не на соседней улице...

Всё более нервничающий, я ступал вслед за гориллой, а сердце бухало, разгоняя кровь и адреналин, готова организм к бою. А потом...

– Мишка?! Мишка!

Мы обнялись до боли в рёбрах, потом ещё, и заговорили разом, перебивая друг друга и рассказывая обо всём на свете. Брат вытянулся ещё сильнее, оброс мышцами и раздался в плечах. В узкой комнате с подслеповатым окошком и небольшим столом со скромным угощением, он кажется особенно громоздким.

– Ну, рассказывай! – нетерпеливо сказал он, отпустив гориллу жестом и сядя на стул верхом, опустив подбородок на скрещенные руки, – Как ушёл... всё!

Сбиваясь то и дело, рассказываю о побеге по крышам, о поездке в собачьем ящике и о... Дашеньке. Смеясь беззвучно и утирая слёзы, брат то и дело перебивал мой рассказ.

– ... Амазонка?

– Ну! – с ноткой вызова и смущения, а Мишка только отмахивается руками и хватается воздух ртом, не в силах вдохнуть от скрючившего его смеха.

– А сам, сам-то как?! Как здесь-то оказался?

– В составе делегации, – пожал он плечами, чуть отводя глаза.

– Иди ты!? – я подаюсь вперёд, взглядом прощупывая его лицо, не шутит ли?

– Сам иди! – чуть усмехается брат, но улыбка выходит кривоватой.

– Я так понимаю... – ерошу обеими руками волосы, – мне тоже предстоит?

– Угум... – скрывая неловкость, он взял с блюда яблоко и захрустел, брызгая соком.

– Хм... – потянувшись, я налил себе молока и подтянул выпечку, собираясь с мыслями, – молодые герои молодой страны?

– В точку! – кивнул он чуть смущённо.

– Хм...

– Надо! – убеждённо сказал брат.

– Миша, политика – это не моё... – начал было я и примолк, собирая воедино мозаику своих знаний, – и крепко ты влип?

– Я, собственно, один из организаторов, – криво улыбнулся брат.

– Вот как...

Мишка прерывисто вздохнул, не став ни оправдываться, ни... Да собственно, и не должен, по большому-то счёту. Сколько мог, столько и сказал ещё в Африке, а что я услышать не смог и в голове уложить, это уже совсем другое дело.

– И... – я замаялся, не в силах подобрать слова, – зачем... Погоди! Кайзер, жида и... вот это вот всё!? Ты... вы должны понимать, што франки при таком раскладе отойдут от Союза, они же с германцами как кошка с собакой! Чудо уже, што на нашей стороне выступили единым фронтом!

– На стороне Союза! – буркнул брат.

– Ну и... погоди, – замер я, – а есть, получается, разница?

– Ещё какая, – бледно улыбнулся он, неловко повернувшись на скрипнувшем стуле, – Ты думаешь, мы хотели вот так?

– Неужто и нет?!

– Ага, – блекло сказал он, – мы поначалу также... Эйфория была, не поверишь! Русь Заморская, такое всё...

Кривая улыбочка прорезала его лицо, а глазах – тоска смертная.

– Радовались, – повторил он, медленно положив огрызок на стол, – обживаться начали, своим умом всё, да... А потом по чуть да помалу, и вот мы уже наособицу в Союзе, и настолько наособицу, што и вовсе отдельно, так-то.

– Откупиться нами задумали? – выдохнул я, и брат кивнул молча, глядя бездумно в стену с сырыми, облезающими бумажными обоями, по которой лениво ползали крупные тараканы, откормленные на сытных французских харчах.

– Угум. Мы-то радовались, обустроиваться начали, кооперативы, кредиты... А на деле – кость британцам. Автономии-то у нас столько, што мы по факту и не в Союзе, а союзники, так-то.

– Но... неужели нельзя было как-то...

– Как?! – уставился на меня брат не мигаючи, – Думаешь, так просто всё?! Нас в Африке всего-то тысяч тридцать, и это со всеми понаехавшими, включая бабё и детишек! Буры, они для голландцев свои, да и для германцев ни разу не чужие. А мы так... Откупились бы. Перекрыть поначалу пути-дороги, да хотя бы промолчать просто, когда британцы начнут суда из России останавливать. И всё, Егор! Всё! Мы одни, без буров и тем паче, без Европы, никак не выстоим, понимаешь?

К горлу подступил едкий комок, я запил его молоком и вцепился в яблоко, давя нервный тошнотик. Несколько минут мы молчали, только двигая челюстями, не глядя друг на друга.

– И кто?

– С миру по нитке, – понял меня брат, улыбаясь бледно, – Не поверишь, какие союзы и каких союзников уцепили. Мы... да нет! Не только староверы, но и так... вообще. Русские, жида... у этих своих фракций хватает, но в Африке дядя Фима козырный туз.

– Дядя Фима, хм...

– Свои интересы, ясно-понятно, – согласился со мной брат, – урвать кусочек территории для себя и своих, так кто ж без греха? Н-да... мы, жида российские, буры... да-да, среди них тоже фракций хватает. Потом янки, точнее...

– ... конфедераты? – подхватил я, начиная понимать логику событий.

– Ну... не только, северян тоже полно. А если брать именно што финансовый и политический вес, так янки даже и повесомей будут. Но да, южане нас поддерживают, у них реваншистские настроения сейчас на пике. Массовая поддержка практически, чуть ли отражение былых событий увидели. Но и нам придётся пойти на... ладно, об этом позже.

– Аргентина ещё, – продолжил он, сцепив добела кисти, – эти на государственном уровне. Латиноамериканские кланы, но там вовсе уж пёстро всё.

– На континент влезть хотят?

– Угу. Торговля, концессии.

Я хмыкнул с сомнением, на што Мишка только плечами пожал.

– Вильгельма сюда же, – вздохнул брат, – и дядя Фима божится, што такого он ни разу не предвидел! И знаешь? Я ему верю! Германский протекторат в рамках Южно-Африканского Союза, это знаешь ли...

– Психиатром надо быть, такое вот предвидеть, – согласился я, – хотя и удачно вышло для жидов.

– Не скажи, – протянул Мишка, – государство у них вроде как и появилось, но именно што "вроде как". Не "милостью Божией"², а невнятный протекторат в составе Союза. Этакая эквилибристика на одной жопе промеж двух стульев. Территория то ли есть, а то и нет, и будет ли вообще полноценная страна, а не непонятное нечто, неизвестно. А отношения с Британией испорчены напрочь уже сейчас, да и не только с ней. Ни торговли, ни... как бы промышленной блокады для жидов не вышло, так-то. Ну и нас вместе с ними зацепить может.

– В таком разрезе да, – соглашаюсь с ним, – но... как же не хочется!

– А мне? – Мишка усмехнулся вовсе уж блекло, – Просто иначе – всё это зря! Все смерти, всё... всё зря, Егор. Либо так, на живую нитку в государство с бурами и "паровозиком Вилли" в пристяжку, да губы в улыбке растягивать и в дружбе клясться, либо никак. Так вот, брат.

Выдохнув, я хотел было...

... но посмотрел на Мишку и смолчал.

– Женюсь я, – неожиданно сказал он, кусая губу и глядя через меня стеклянно, с дурацкой, будто приклеенной улыбочкой.

– Совсем всё плохо?

– Да нет, – с той же неестественной улыбочкой отозвался брат, – девка как девка, из старой бурской семьи. Молодая, пригожая вполне. Не порченная. Так просто... не думал никогда, што вот этак придётся.

– Династический брак, н-да уж... А ты у нас отец-основатель выходишь?

– Угум. Один из, – прозвучало безо всякой усмешки.

– А я, выходит... – и тут ажно холодок по спине, и такая забронзовелость кладбищенская за спиной встала! Представились внезапно пафосные строчки в учебниках, гипсовые бюстики и историки, защищающие диссертацию на моих к Фире письмах, да всякого рода личных вещах.

Не штобы даже... хм, против. А так просто, будто я уже... и холодом могильным. А потом и ничего, отпустило.

– В делегации, значит, – протянул я, собираясь с решимостью и сам себя уговаривая.

– Угум.

– Дипломатических проблем не возникнет? – склонив голову набок, поинтересовался для порядку.

– Куда ж без них?! – усмехнулся Мишка и сощурился, переключаясь на мои проблемы и вновь становясь похожим на человека, – Тем веселей!

---

² Божией милостью (Б. М., лат. Dei gratia) – это политическая и религиозная доктрина королевской и политической легитимности. Согласно этой доктрине, монарх является субъектом не земной власти, а наследует права управления непосредственно от Бога.

– Даже так?

– Ох, Егор... – брат встал, потянувшись всем телом, и выгнулся, хрустя суставами, – ты даже не представляешь, какие интересные комбинации можно строить просто по факту твоего нахождения в делегации! Особенно когда вот так – р-раз, и появился! Нежданчик. А уж если подготовить да отрепетировать.

– А с Империей Российской, – зло усмехнулся он, шурясь как через прицел, – нормальных отношений у нас быть не может. По определению.

– У нас или у Союза?

– Ну не всё же время в одни ворота? – оскалил Мишка кипенно белые зубы совершенно по-волчьи.

– Ха! – в голову залезла смешинка, и переглядываясь усмешливо, мы без слов поняли, што жизнь у нас будет очень интересной...

... только наверное, недолгой.

Третья глава

Вооружившись канцелярскими кнопками, скрепками, клеем и ножницами, Мишка принялся выстраивать в комнатухе бумажный хаос.

– Времени у нас немного, – невнятно пробубнил он, зажимая в зубах карандаш и с вдохновенным видом скрепляя меж собой листы бумаг, – помимо англичан...

Он прервался, и щёлкнув таракана со стены, начал крепить фотографии по сложной схеме, соединяя их меж собой то листочками с нарисованными схемами и именами, а то и просто вычерчивая карандашом прямо на облезлых обоях.

– ... африканеры, будь они неладны, – продолжил брат, не прекращая работу, – Хольст из союзной фракции, хоть в этом повезло. Сегодня, может завтра ещё, и всё – утечёт информация не в те руки.

– Агентура? – поинтересовался я, наблюдая за вдохновенной работой брата, взявшегося натягивать упаковочный шпагат прямо под низким потолком.

– Если бы... – сморщил Мишка нос, наматывая шпагат на гвоздь и обрезая лишнее, – свои же! Говорю же – фракции! Свыше двухсот человек в делегации, да учти неизбежные случайности и родственные связи.

– Против нас... поддержи, – стопка листов легла мне в руки, – всё, давай сюда. Против нас сразу несколько африканерских фракций по сути играют. То ещё кубло змеиное! Первые скрипки традиционалисты с англофилами играют, ну и по мелочи – каждой твари по паре.

– А за нас?

– Промышленники в основном, ну и часть военных.

– Сниман, – кивнул я понимающе, – ты у него за талисман!

– Не без того! – хохотнул брат, развешивая на верёвке листы в определённом порядке, – Ещё Де Вет, Де ла Рей.

– А Луис Бота што?

– Луис Бота сторонник примирения с британцами, так вот, брат!

Я присвистнул и замолчал, пытаюсь уложить услышанное в голове.

– Политика, – кривовато улыбнулся Мишка, – он не самый плохой человек, но похоже, искренне считает, что бросив нас англичанам, как кость, буры смогут избежать новой англо-бурской.

– А они смогут? – поинтересовался я, на что Мишка только плечами пожал.

– Самое же паскудное... вот, – брат щёлкнул ногтем по фотографии Крюгера, повисшей на булавке, вколотой в сырые обои.

– Против нас? – ахнул я, прикусив губу и по-новому глядя на дядюшку Пауля, надменно взирающего на меня с плесневелой стены.

– Угум.

– И сильно мешает?

– А... – Мишка махнул рукой и выдохнул с силой, но после недолгого молчания всё-таки соизволил высказаться:

– Сильно! Авторитет у него... сам понимать должен! А вишенка на торте – мы против него в открытую играть даже не можем, так-то. Не поймут! Он сейчас не только у африканеров, но в Европе популярен донельзя. Верить ли, одних только сортов мыла в честь его больше десятка уже назвали! Не сговариваясь, понимаешь? Мыло, алкоголь и Бог вещь, што ещё. Я этими подсчётами не увлекаюсь, но веришь ли – оторопь взяла, как список ненароком увидел! В аршин длиной!

– Самый популярный и уважаемый человек в Европе, – прерывисто вздохнул брат, дёрнув щекой, – и против нас, понимаешь? Да ещё так выворачивает, што всё ты понимаешь, а грязью распоследней себя чувствуешь – будто и не тебе гадость сделали, а ты!

– Даже так? – сощурился я, склоняя голову набок.

"– Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы³" – с грузинским акцентом озвучило подсознание. Ну... всё может быть!

– А если... – провожу ногтем поперёк фотографии, на что брат будто воздухом подавился. Вытаращив было глаза, он открыл рот... закрыл и задумался.

– Не сами, – уточняю на всякий случай, – идею кому подать через третьи руки, ну и так... хм, помочь.

– Да эт понятно, што не сами, – сказал Мишка пришибленно, – Если, говоришь... хм... За нами следят, а вот если кому не просто идею, но и подтолкнуть, это уже может интересно выйти.

Встряхнув головой, он снова принялся за работу, но то и дело косился на фотографию Крюгера, кусая губы.

– Как-то так, – отряхнув ладони, сказал брат, обозревая развешенные по всей комнате фотографии, схемы, какие-то графики и прочее.

– Всё это, – он щёлкнул пальцем по ближайшему листу, – тебе нужно если не выучить наизусть, то как минимум понять общий принцип. Кто в каких фракциях, и хотя бы немного – почему.

– Так... ну-ка – давай, озвучь свои выкладки.

Подобравшись, и как-то очень по-военному оправив складки потрёпанного пиджака, Мишка начал разъяснять – кто, почему, и самое сложное – родственные и дружественные связи, бывшие порой в африканских реалиях любую логику.

– Нам бы ночь простоять, да день продержаться, – выдохнул я после короткой лекции.

– День... – усмехнулся брат, – лет десять, никак не меньше! и это при самых благоприятных условиях.

– Н-да? При благоприятных условиях, иммиграция к нам из одной только России за десять лет составит как бы не поболее миллиона!

– А заводы? – парировал брат, – С ноля, в чистом поле! Стрелять из чего этот миллион будет? Из палок? Даже если сразу экономику под оборону ладить, а самим с голой жопой ходить, и то не успеваем! Дам тебе потом расчёты и выкладки, сам пересчитаешь. Одна только технологическая цепочка пороховых заводов чего стоит! Представляешь?!

– Представляю.

– А... ну да, ты же инженер де-факто, – чуточку успокоился Мишка, – На што бы сам сделал ставки?

– На импорт мозгов.

– А зачем европейским... – начал было брат и замолк, – а вот с этой стороны мы и не подумали!

– Чем сильнее будут давить студентов в Российской Империи...

– Чем хуже, тем лучше⁴! – перебил меня брат, упав на стул, – Япона мать! Сроду представить не могу, што буду желать такого...

Кривенькая моя усмешка отзеркалилась на его лице.

– Политика, – глухо сказал Мишка, с силой растирая щёки руками.

---

³ Фразу эту приписывают Сталину, но на самом деле она принадлежит писателю Анатолию Рыбакову, вложившего её в уста Иосифа Виссарионовича в романе "Дети Арбата".

⁴ Чем хуже, тем лучше. Стало популярным в своем известном, политизированном смысле благодаря Ф. М. Достоевскому (1821–1881), который использовал это выражение в романе (ч. 3, гл. 9) «Униженные и оскорбленные» (1861).

– Но ведь так оно и выходит! – подвинув стул, сажусь рядом. – Смотри! Власти и без того давят и будут давить любые студенческие выступления, усматривая в них покушение на устои. Патриотизм и православие как духовные кандалы, ну и чугунное ядро Самодержавия до кучи.

– Угум, – отозвался брат мрачно, – и хоть как шевельнись против, так сразу – не патриот, не православный и вообще – не русский. Знаю... деды-прадеды на своей шкуре прочувствовали политику Романовскую! Подати двойные и... право слово, жидам легче жилось! Ну, не материально...

– Я понял.

– Угум. А теперь, значаца, патриотизм хоть с православием вместе на хлеб намазывай, хоть с демократией впополам с атеизмом, и не в России. Эко... Да, таким манером можно патриотов любых... хм, конфессий к нам переманить. Надавит власть, так хоть выбор у студенчества и интеллигенции будет – молчать в тряпочку, в Сибирь да в солдатчину за свои убеждения, или к нам, в африканские кантоны.

– Не чувствуя себя при всём том предателем, – уточнил я.

– Не последний аргумент, – кивнул Мишка, – Есть ещё што в эту кучу кинуть?

– Промышленников на себя перетягивать, – озвучиваю очевидное, – Да не усмехайся ты! Студенты тебе што, не козырь?

– Козырь, – признал брат, – Ладно, ты прав. Обдумаем потом эту мысль основательней, пока соображалка што-то буксует.

Мишка снова взялся за муштру с картами и схемами, пытаясь за самый короткий срок вложить в мою голову колоссальный объём информации. Укладывалось... ну, в общем нормально, но мозги мои, тренированные более чертежами и формулами, да языками, осваивали знания не без скрипа.

– Всё, перерыв! – перервал я его пару часов спустя, чувствуя свою голову гудящим барабаном, – И как ты это в голове уложить только можешь?!

– Кому што, – философски пожал плечами брат, – Попробуй Евангелие со святыми наизусть заучи, да родовичей всех запомни до седьмого колена. Кофе будешь?

– Давай!

Приоткрыв дверь, Мишка кликнул Жюля и попросил сделать кофе, а я не сразу и понял, што говорил он на русском!

– Он... – начал я растерянно.

– Русский.

– Погоди... Жюль?! Он же...

– Потомок дезертира, – кивнул брат, – в четырнадцатом году, после Заграничного похода русской армии их мно-ого осталось⁵.

– Вот это у нас резерв! – выдохнул я и поправился под полным скепсиса взглядом брата, – Потенциальный.

– Очень потенциальный, – кривовато усмехнулся тот, – скорее так... как ты там говорил? Агенты влияния, точно. И то...

– Хоть што-то!

Не ответив, Мишка только вздохнул, и стало ясно, что даже как агенты влияния потомки русских дезертиров достаточно сомнительны. Хотя с другой стороны – отбросов нет, есть резервы! Какие-никакие, а кадры! Можно, а значить – нужно проводить политику ассимиляции...

– ... Егор! Егор!

---

⁵ Офицер артиллерийских войск А. М. Баранович оставил свои воспоминания – записки «Русские солдаты во Франции в 1813–1814 годах». Он утверждает, что за время Заграничных походов из армии Александра I дезертировали примерно 40 тысяч человек. Впрочем, большинство современных историков полагают, что эта цифра завышена, как минимум, в 4 раза. То есть, дезертиров насчитали около 8–10 тысяч. И это из 60-тысячной русской армии.

– А?!

– Ушёл в себя, вернусь нескоро, – поддразнил меня брат моим же одностиишем⁶, сунув мне кофе, сваренный по всем правилам, крепченый до невозможности и одним только запахом дарующий бодрость.

– ... твоё появление позволит нам усилить позиции русской и прорусской фракции, – толковывал Пономарёнок, – нужно только сделать его не тактическим, единовременным, а стратегическим.

– Это как? – я даже чашку отставил, не представляя тактическое усиление имени себя.

– Ввести тебя не пешкой, а фигурой! По возможности, канешно. Для начала подвести тебя аккуратненько, без дипломатического скандала, даже и потенциального. Через Снимана...

– Стоп! – брат послушно замер, зная уже, что в такие моменты я ловлю идеи, и порой удачно, – А надо ли? Ты сам сказал – фигурой!

– То есть не через Снимана...

– Да! Обозначить себя как самостоятельного игрока, понимаешь? Крюгер со своей фракцией в таком случае если што-то и смогут предъявить, то не фракции, а лично мне! Я такой самостоятельный! Не Сниман и тем паче не наши союзники! Не тихий дипломатический скандал, связанный с моим укрывательством и прочим, а я сам так решил. Што он мне предъявит?

– Наизнанку вывернется, а не сможет, – чуть помедлив, ответил брат, расплываясь в злой улыбке, – Не обвинять же тебя в том, што ты не остался в России, когда тебя начали давить? Ха! Дельно! А вывернешься?

– Я-то!? – вскинувшись было, задумался, затарабанив пальцами по колену, – Хм... дипломатов нам всё равно не переиграть, да и авторитет Крюгера чуть ли не библейский, так што...

– ... мы пойдём другим путём! – выдыхая, поймав волну вдохновения, – Да! Дипломатический этикет, приёмы, пафосные рожи... не потянем, брат.

– Крюгер тоже не тянет, однако же его приняли, – парировал Мишка.

– На волне нашего общего успеха, – не оспариваю его, – а Сниман уже не потянет, так што...

– Да не тяни, чортушко!

– Есть идея, – шуюсь довольным котом, – точнее даже – идеи!

---

⁶ ГГ искренне считает, что сам сочиняет стихи и песни, но на самом деле это одностиише Владимира Вишневого.

Четвёртая глава

Князь Тенишев, Генеральный комиссар от России на Всемирной выставке в Париже тысяча девятисотого года, будучи в настроении самом благодушном и премного довольный неизменным триумфом Русского павильона (в коем была и его немала заслуга), изволил лично экскурсировать небольшую группу репортёров и промышленников из французской провинции. Республиканцы по убеждениям, франки однако же с большим пиететом относятся к титулованной знати, и князь, не лишённый тщеславия, пользуется возможностью появиться лишний раз в прессе.

Веда себя чрезвычайно предупредительно, и в то же время не умаляя достоинства дворянина из старинного татарского рода, Тенишев с большой живостью и экспрессией рассказывал гостям о русской промышленности и искусстве, показывая представленные на выставке образцы. Являясь человеком, сведущим в делах промышленности, и одновременно тонким ценителем искусства, князь производил самое приятное впечатление, и осознавал это. Осанистый, представительный, хотя и несколько огрузивший с годами, Вячеслав Николаевич в глазах французов само олицетворение если не России, то как минимум высшей российской аристократии.

Предупредительность человека столь знатного и значимого изрядно льстила провинциалам. Не опускаясь до панибратства и блюдя княжеское достоинство, Тенишев исхитрялся оставаться дружелюбным и демократичным. Будучи человеком светским, известным ценителем женщин и азартных игр, князь умел найти подход к собеседникам и совершенно очаровал французов, найдя подход к каждому.

Войдя в раж, Вячеслав Николаевич искромётно и остроумно шутил, лукаво улыбался и исхитрялся вести беседы едва ли не с каждым французом по отдельности, и одновременно всеми разом. Экскурсия выходила головокружительно интересной, и провинциалы едва ли не с благоговением слушали князя.

– Здесь вы можете видеть... – и князь изящным жестом указал тростью на павильон каслинского литья и замер безмолвно. Трость медленно опустилась на пол, а Тенишев, будто споткнувшись в танце, всё никак не мог подобрать слова и повторил зачем-то:

– Здесь вы можете видеть... – и Вячеслав Николаевич начал мучительно подбирать слова, но репортёры, почуявшие сенсацию, закружили голодными акулами, разом стряхнув с себя флёр княжеского очарования. Единственная ошибка, даже просто заминка...

... и вот уже ветреные французы бросили недавнего кумира, кинувшись навстречу свежей сенсации Парижской Выставки.

А сенсация, подвязав неторопливо мочальную бороду под вспышки фотоаппаратов, выпрямилась, подхватив с брусчатки аккордеон, и над толпой, охочей до скандалов, разнеслось разухабистое...

– А в моей стране всё есть: есть в ней нефть и лес⁷ в ней есть. Уголь есть, и никель есть, меди в ней не перечесть! Есть в ней золото, алмазы, изумруды и топазы! Как же так, в стране всё есть, а народу нехер есть! Как же так, всё есть в стране, а народ живёт в говне! Ла-ла-ла-ла-ла, ла, ла!

У Тенишева заныли зубы от ненависти, а сенсация, приплясывая с аккордеоном и не стесняясь корчить рожи, подobaющие клоуну из самого низкопробного балагана, повторила куплет, уже на французском. И снова на русском...

---

⁷ Текст песни Семёна Слепакова, самую чуточку изменённый под реалии 1900 года Александром Косенковым.

– А в моей стране всё есть, есть зерно и мясо есть, есть лосось и осетры, в них полным-полно икры. Есть и овощи и фрукты и молочные продукты. Как же так, продукты есть, а народу нехер есть? Как же так, всё есть в стране, а народ живёт в говне?

Отчаянно пытаюсь сохранить невозмутимый вид и понимая, что решительно... да просто не черта не выходит! Какой там невозмутимый... Чувствуя, как подрагивают руки на рукоятке трости, Тенишев нашёл глазами служителей, и уже готов был отдать приказ, но живо представил последствия и сделал ровно то, что мог в этой ситуации – ушёл.

Один из репортёров, минуту ещё назад едва ли не заглядывающий в рот, задёргался было на месте едва ли не в эпилептическом припадке, но оценив здраво многочисленные вспышки подле Сенсации, рванул-таки за князем, придерживая шляпу на разом вспотевшей голове. И закружил вокруг, с волчьей совершенно повадкой раздёргивая внимание вопросами.

Отвечая не всегда впопад, Тенишев цедил слова сквозь зубы, думая явно о своём, и в думах этих не было место провинциальному шакалу пера, мнящему себя гиеной клавиатуры. Зря, очень зря...

– Всё было хорошо, пока не появился Панкратов!

– А в моей стране всё есть, – будто отозвался молодой человек, – государственный совет и министров кабинет, камергеры, адъютанты, генералы в аксельбантах, губернаторы и мэры и князя-акционеры, как же так, они все есть, и им всем нехер есть? И отлично жить в стране, где народ живёт в говне!

Грубое, босяцкое остроумие песни, недавно ещё вызывавшей у князя тонкую усмешку, будто кипятком ожгло самолюбие.

"– И ведь всё вроде бы..." – мелькнуло в голове Вячеслава Николаевича, но зло мотнув головой, генеральный комиссар, вытряхнул будто чужие мысли...

"– Это совсем другое дело! Как он посмел?! Зачем?! Международное мероприятие, и такое... такой скандал! Да ни один русский никогда..."

Задыхаясь от ярости и одышки, князь поспешил прочь, вколачивая трость в асфальт в такт быстрым шагам, будто в голову мальчишки, ставшего разом – ненавистным!

* * *

– Доброе утро, кумир босяков и гимназистов, – поприветствовал меня Мишка поутру, отвлечённо бодрый и свежий, будто и не лёг далеко за полночь.

– Доброгo... што там пишут? – я походя отобрал у него газету, и зевая во всю ширь отдраенного поутру рта, принялся проглядывать статьи, шелестя страницами. Брат, не став спорить, взялся за корреспонденцию, которой нас просто завалили.

Прочитав заголовок с громким названием, я окончательно проснулся, раскочегаривая было мозг в разбег, но как оказалось – зряшно. Репортёр не без остроумия скомпоновал известные всем факты и собственные свои домыслы с невнятными, буквально выплунутыми ответами Тенишева.

– Не самое скверное титулование, – отозвался я наконец, отвлекшись на горнишную, вкатившую в номер завтрак. Наделив девицу не слишком щедрыми чаевыми и благоразумно не поняв намёков интимного характера, запер за ней дверь и сел завтракать.

– Да уж, – захмыкал брат, усаживаясь напротив и подвигая к себе бриоши, – тебя за прошедшую неделю как только не титуловали... не надоело ещё?

– Заранее надоело, Миша! Но работает же?

– Работает, – признал он, не отвлекаясь от завтрака.

– Ну и всё... а прочее переживу.

Брат скептически поглядел на меня, но продолжать неприятную тему не стал, и на том спасибо. Жалею уже, что предложил принести себя некоторым образом в жертву общим нашим интересам, сместив фокус внимания на свою нескромную персону.

Вышло удачно, и ныне я во Франции более чем известен, соревнуясь по медийности с такими фигурами, как кайзер Вильгельм и президент Крюгер. Правда, всех нас разом бьёт покойная Виктория, и обсуждение политического наследства старухи занимает умы всего мира.

– Вопрос с Военгским и Ивашкевичем решили положительно, – озвучил Мишка, вскрывая очередное письмо.

– Только сейчас? – неприятно удивился я, но брат только щекой дёрнул, передав мне письмо и вскрывая очередной конверт.

Я же, проглядев короткое сообщение, всерьёз задумался. Илья с Адамусем мужики харизматичные, и имеют что сказать на любой вопрос, да и с эрудицией у них всё здорово. Прибудут они вместе с летадлами, и сходу можно будет развернуть мощную рекламную компанию как ВВС Южно-Африканского Союза и моих талантов инженера, так и русской фракции. Но вот до того...

При всем уважении к себе, продержаться ещё пару недель на одних только эпатажных выходках и лекциях об Англо-бурской войне с позиции пилота будет сложно. Разбавить это Хитровкой можно, но вот стоит ли?

Здесь и сейчас нужно дать упор не на реалиях Российской Империи, а именно на Африке вообще, и особенно на русской её составляющей. В противном случае интерес обывателей может скатиться к трюшмам Москвы и обсуждениям реальных и гипотетических моих похождений, не вполне укладывающихся в рамки обывательской морали.

Тема безусловно интересная, но её мы отодвинем на сильно потом, когда продадим наконец интересы Русских Кантонов, притом как в привязке к Южно-Африканскому Союзу, так и отдельно. Есть у нас и интересы сугубо местнические, связанные с развитием сугубо нашей, русской государственности и промышленности.

Вот тогда-то и придёт черёд пишущимся в стол рассказам о русской деревне, Хитровке и российском общем неустройстве. Будем продавливать всеми силами свободу передвижения для граждан Российской Империи независимо от сословий.

– О чём задумался? – поинтересовался Мишка, промокнув салфеткой рот.

– О фокусе внимания. До прибытия Ивашкевича с Военгским ещё куча времени, и думаю вот, чем бы занять парижан, не превратившись в цирковую обезьянку и не наскучив им окончательно.

– Так остро стоит проблема? – удивился брат, – Да не вскидывайся ты! Я сам тот ещё обезьян, только што более... хм, военизированный. Это притом, что с меня не снимали обязанности адъютанта Снимана, да и интересы русской фракции на мне.

– Не первой скрипкой, – поправился Мишка, заметив мой скептицизм, – и даже не второй. Но я, хм... один из идеологов этого начинания, пусть даже и вышло это отчасти случайно. Ну да это ты знаешь. И связь с африканерами на мне.

– Феликса бы сюда... – протянул я с тоской, вспоминая поляка с колоссальными организаторскими способностями и могучей харизмой.

– Не-е... – брат даже головой замотал для пущей убедительности, – без него Кантоны рассыпаться могут вплоть до полной анархии! Сам знаешь, каковы наши старцы бывают! Бараны упёртые, при всём моём уважении! Да и африканеры могут учудить што-нибудь этакое, из ряда вон. Без Феликса никак!

– Санька не помешал бы, – озвучиваю, покусывая губу, – ты не знаешь, он там сильно нужен? Нет, я помню, што он мой зам по ВВС, но если африканеры начали нас отодвигать с занимаемых позиций, то есть ли смысл держать его там?

– Уточню, – кивнул Мишка, помечая в ежедневнике, – Здесь ты крупно прав, Санька сам по себе наши позиции в ВВС не удержит – ни возраста ни хватит, ни, пардон, авторитета.

– Впрочем, – перебил он сам себя, – не факт, што и ты бы удержал их.

– Если уж Крюгер... – отозвался я уныло, обвиснув носом.

Мишка угукнул и застыл.

– Так... – ожил он наконец, – а ведь и в самом деле! Ты как? Быстро свои конструкции повторить сможешь? Ну эти... скульптуру вращающуюся и самоходку из речек⁸.

– Сложного там ничего, важнее саму концепцию придумать... а што, до Европы не дошло? Странно... ну ладно, не важно. Мастерскую только найти, и...

– Не надо! Ну то есть надо, – перебил брат, – но... сама концепция мастерской на улице, а?! Не подготовительные работы, а сама сборка. Садисься вот так, собираешь самоходку свою из речек, а потом – па-аехали! А?!

---

⁸ Если кто забыл, вбейте в поисковик "Ходячие скульптуры Теодора Янсена".

Пятая глава

Получив незаслуженный совершенно разнос от Урусова⁹, Илья Аристархович покинул кабинет с видом человека, оскорблённого до глубины души. Всей своей фигурой демонстрируя, что Его Высокопревосходительство ныне решительно не в духе, и вызывая то злорадные, а то сочувственные пересуды, чиновник продефилировал по коридорам посольства и удалился от мира, запершись в своём кабинете.

Лишь только захлопнулась дверь, оскорблённое выражение сменилось презрительной усмешкой. Ещё лет десять назад он воспринимал подобные вещи всерьёз, пропуская их через сердце и саму душу. Всё-то ему казалось, что вот-вот его заметят, оценят... Не оценили, не заметили.

Горя службой, он жил интересами МИДа, воспринимая их как свои. А повышения получали другие, и часто – незаслуженно.

Нынешний посол личность совершенно серая, невыразительная настолько, насколько это вообще возможно. Но... происхождение, чорт бы его побрал! И сколько таких Урусовых...

Пропитавшись за десяток лет цинизмом и горечью едва ли не насквозь, и поняв окончательно, что упёрся в карьерный потолок, Илья Аристархович едва ли не с облегчением воспринял приятного незнакомца, подсевшего к нему в ресторации. Быстро уловив даже не предложение, а намёк на него, чиновник с ловкостью опытного дипломатического работника построил разговор так, что не прозвучало речи о разведках, вербовке и интересах спецслужб. И упаси Боже от расписок!

С того самого дня Илья Аристархович писал иногда письма своему близкому другу, а то и встречался с ним где-нибудь на природе, ведя совершенно приватные дружеские беседы. В вину дипломату можно было бы поставить разве что некоторую неосторожность в разговорах, да и нужно было бы сперва доказать её, эту вину.

Выигрывая иногда изрядные суммы в карты, а то и получая приятные дорогостоящие безделушки к разным датам, Илья Аристархович приятно оброс имуществом во Франции, весьма уверенно глядя в будущее. А главное, болезненная его жажда признания, снедавшая все эти годы посольского работника, безвозвратно ушла прочь.

Встав у окна, он полной грудью вдохнул парижский воздух и улыбнулся, мечтательно щури глаза, вглядываясь в светлое будущее. Ах, этот политический кризис... можно ожидать приятных подарков и крупных выигрышей в карты, а к небольшому, но вполне доходному поместью в Провансе добавится, быть может, квартира в Париже... Пуркуа бы и нет?!

– Алло, алло, Жиент, какие вести?
Давно я дома не была —
Пятнадцать дней, как я в отъезде,
Ну, как идут у нас дела?

Стоя у окна, Илья Аристархович мурлыкал себе под нос песенку, ставшую разом популярной во Франции и Российской Империи – благо, небезызвестный Возмутитель Спокойствия озаботился переводом. Талантливый всё ж таки молодой человек!

– Всё хорошо, прекрасная маркиза¹⁰,

---

⁹ Урусов Лев Павлович, в РИ посол во Франции в описываемое время.

¹⁰ Автором оригинального текста и музыки является композитор Поль Мизраки в соавторстве с Шарлем Паскье и Анри Аллюмом. В том же году на русский язык перевёл её поэт Александр Безыменский, а по другим данным Анатолий Френкель.

Дела идут и жизнь легка.
Ни одного печального сюрприза
За исключением пустяка.
Так, ерунда, пустое дело —
Кобыла ваша околела.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Всё хорошо, всё хорошо.

– Алло, алло, Марсель, ужасный случай!
Моя кобыла умерла!
Скажите мне, мой верный кучер,
Как эта смерть произошла?

– Всё хорошо, прекрасная маркиза,
Всё хорошо, как никогда!
К чему скорбеть от глупого сюрприза?
Ведь это, право, ерунда!
Кобыла что? Пустое дело —
Она с конюшнею сгорела.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Всё хорошо, всё хорошо!

– Алло-алло, Паскаль, мутится разум!
Какой неслыханный удар!
Скажите мне всю правду разом —
Когда в конюшне был пожар?

– Всё хорошо, прекрасная маркиза,
И хороши у нас дела!
Но вам судьба, как видно, из каприза
Ещё сюрприз преподнесла:
Сгорел ваш дом с конюшней вместе,
Когда пылало всё поместье!
А в остальном, прекрасная маркиза,
Всё хорошо, всё хорошо!

– Алло-алло, Лука, сгорел наш замок!
Ах, до чего мне тяжело!
Я – вне себя.
Скажите прямо,
Как это всё произошло?

– Узнал ваш муж, прекрасная маркиза,
Что разорил себя и вас,
Не вынес он подобного сюрприза
И застрелился в тот же час.
Упавши мёртвым у печи,
Он опрокинул две свечи,
Попали свечи на ковёр,

И запылал он, как костёр,
Погода ветреной была —
Ваш замок выгорел до тла.
Огонь усадьбу всю спалил,
А с ней конюшню охватил.
Конюшня заперта была,
А в ней кобыла умерла.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Всё хорошо, всё хорошо.

... и все, до последнего парижского Гавроша знали, что под Прекрасной Маркизой подразумевается Николай Второй, отчего песня приобретала – особый шарм. А русский император приобрёл – прозвище.

* * *

– Опий, – констатировал морозно Военгский, мягко поставив чашку и выворачивая на излом задрожавшую руку стюарда-индуса, впечатывая слугу пухлым лицом в разбившийся фарфор. Разом посерев, индус закричал тонко и пронзительно, забился раненной птицей, суматошно и бестолково. А помор, не меняясь в лице, пригвоздил вывернутую кисть стюарда к столу ножом для фруктов¹¹.

Качнулся на стуле Адамусь, падая назад и выхватывая дерринджер. Выстрел остановил длиннорукого первого помощника, рванувшегося через стол. Долговязый ганноверец упал разможенным черепом в блюдо с бисквитами, и кровь его, вперемешку с мозгами, тут же почти потекла по белоснежной скатерти, делая происходящее вовсе уж сюрреалистическим.

Прыгнул через стол Чиж, хватая капитана за отворот сюртука и выворачивая руку, потянувшись во внутренний карман. Ударив головой в переносье, он тут же, обвинив капитана подобно очеловеченной анаконде, сломал тому правую руку и для верности – впечатал затылком в переборку.

– Попили чаю, – озвучил Санька омертвелым голосом, обшаривая внутренние карманы капитанского сюртука, став обладателем новомодного пистолета "Браунинг" с запасной обоймой. Не останавливаясь на этом, он вытряхнул на пол портсигар и записную книжку, а пару секунд спустя, обрезав ворот сюртука, а потом и рубахи, закрутил капитану руки за спиной.

– Связать, – коротко бросил он подчинённым, и Адамусь, не теряя времени, рванул с ганноверца уже ненужные тому подтяжки, обрезав складным ножом.

Помор тем временем, в запоздалой попытке отыграть время, вбивал индусу кляп из его собственного головного убора. Стюард, совершенно невменяемый от боли и страха, всё бился и стонал страшно, на одной ноте. Пухлое его лицо, изрезанное о фарфор самым невероятным образом, кривилось в причудливой гримасе, а потёки крови, смешанные с крошками марципана выглядели пугающе и дико. Сквозь прорезанную до кости щёку виднелись гнилые зубы, окрашенные кровью, и он всё выл и выл...

Помертвев совершенно лицом, Илья вбил ему таки кляп, пригвоздил вторую руку к столу, и обыскал, не слишком церемонясь. На стол лёг странный волнистый кинжал, испещрённый бороздками и внушающий опаску одним только видом. Затем последовала удавка, несколько пузырьков и предметы явно религиозного назначения, отставленные пока за ненадобностью.

---

¹¹ Среди столовых ножей для фруктов много моделей с острыми, а не закруглёнными концами.

Адамусь тем временем обыскал убитого, и не найдя ничего, поморщился досадливо, спешно перезаряжая дерринджер и тут же вставая сбоку от двери. Надежда, что экипаж пакетбота не услышит выстрел из-за шума работающего двигателя, была невелика. Гадать же о вовлечённости моряков в заговор, равно как и о масштабах оногo, решительно не ко времени.

Дверь распахнулась без стука, и в кают-компанию влетел настороженный моряк, вооружённый винчестером. Вытянув шею вперёд, он крепко, но неумело сжимал оружие, намертво впившись пальцами в цевьё и приклад. Адамусь, стоящий наготове, встретил того ударом в горло, и тут же рванул на себя, подбивая одновременно ноги.

Выстрел! И влетевший в кают-компанию моряк, получивший от своих же пулю в спину, уже мёртвым добежал до накрытого стола, улёгшись рядом с ганноверцем.

Разрядив в стрелявшего деринджер, и вроде бы даже удачно, литвин захлопнул дверь, которую общими усилиями перегородили опрокинутым столом и подпёрли двумя трупами.

– Допросить, – приказал Санька, и тут же, не ожидая, пока противники опомнятся, единым движением выскользнул на палубу с другой стороны в открытый иллюминатор. Не успев коснуться ногами палубы, он наткнулся на воинственно распушившего усы немолодого боцмана, подбежавшего с дробовиком, но успел выстрелить первым, подхватив трофейное оружие и патронташ, наскоро обыскивая убитого.

На этом успехи его фактически и закончились, и всё, что Чиж успел, так это залечь на крыше кают-компания, осложнив проход к двери. Распластавшись на крыше медузой, он сделал лишь два выстрела, задев нападавших. Чертыхаясь про себя на незнакомое оружие, он замер, готовый ждать часами.

На некоторое время воцарилось тишина, затем донеслись отзвуки перебранки среди экипажа, и пакетбот встал, а в машинном отделении что-то залязгало. Несколько минут спустя от пакетбота отделился вельбот и понёсся к виднеющемуся вдали берегу. С кормы вельбота часто и довольно-таки метко стреляли, не давая Чижу возможности прицелиться, пока не отошли достаточно далеко. Ну а потом начались переговоры...

Оставшиеся на пакетботе моряки, все как один новенькие, клялись всем святым, что ни сном, ни духом... и у пилотов не было оснований не верить им. На всякий случай их оставили под присмотром одного из немногочисленных пассажиров, вооружив упитанного португальца и пообещав тому все блага за содействия.

Благоухая нервным потом и перегаром, тот мрачно сидел на палубе в обнимку с дробовиком, пребывая в самом скверном расположении духа. Человек опытный, он уже понял, что вляпался со всего размаху в игры если не государств, то как минимум крупных корпораций. Молясь деве Марии и богохульствуя одновременно, торговец пребывал в мучительных раздумьях и надеялся, что ничтожная его персона не заинтересует Сильных Мира Сего.

Помор, как бывший судовой механик, поспешил к двигателю, полный самых дурных предчувствий, ну а литвин с Чижом немного прибрались в каюте, сделав её не настолько inferнальной.

– Встали, – мрачно доложил Илья, поднявшись наверх, – а починимся, нет ли... не знаю пока, смотреть надо. Были бы детали да время...

– А вот со временем, боюсь, у нас всё плохо, – констатировал Адамусь хладнокровно, – на чай с опиумом позвали нас одних, и очень даже возможно, что не просто так, а загодя, к условленному времени и месту.

– Думаешь, ждут? – задумался Санька, – хотя да... логично. Кто вот только...

– Англичане, – пожал плечами Илья.

– Не скажи, – качнул головой Чиж, – ситуация может оказаться и более... н-да...

По горячим следам, пригласив несколько пассажиров и представителей экипажа как свидетелей, наскоро устроили допрос. Индус, перевязанный уже, впал в подобие транса, и из его

не вполне связных речей все удостоверились только, что служил он некоему "Господину", и что заговор с попыткой похищения пилотов и летадл имел таки место быть.

Несмотря на некоторую бессвязность рассказа, присутствующие удостоверились в этом, равно как и в отсутствии принуждения к индусу во время допроса.

– Сектант какой-то, – пыхая праведным гневом высказал своё мнение преподобный Ниям Эннис, обозрев арсенал и уделив особое внимание кинжалу и предметам культа, – как бы не из тугов¹²!

Сомневаясь в принадлежности индуса к секте убийц, Санька не стал спорить с многопытным преподобным, исколесившим добрую половину земного шара с библией в руках и арифмометром Однера в сердце. Восхитившись кругозором и прозорливостью мистера Энниса, он приобрёл его расположение и окончательно уверил свидетелей в несомненной опасности индуса, смягчая заодно впечатление от изрезанной физиономии и пробитых рук последнего.

– Связать бы его, господин офицер, – нервно попросил один из матросов, запереглядывавшись с дружками, – а то не дай Бог чего! Слыхивал я про эту публику, да всё больше такого, о чём к ночи ближе и вспоминать не хочется.

Связав индуса и щедро напоив его раствором опиума до состояния овоща, приступили к допросу капитана. Здесь ситуация была ещё сложнее, сумеречное сознание судовладельца позволило лишь установить наличие судна, с коим предстояло встретиться в условленном месте, да тот факт, что он не этнический ирландец, а вроде как англичанин, но и это неточно.

Переглядываясь многозначительно, разошлись на работы. Пошли разговоры и самые дикие слухи, моряки всё больше начали склоняться к тому, чтобы бросить к чертям вставшее судно, сколотить из досок плот и плыть к берегу.

А пилоты, равно как и все разведки мира, разбираются сами, чорт бы их побрал! Без них!

Пока экипаж не договорился до бунта, Чиж, опасно блестя глазами, собрал их и разъяснил весьма жёстко, что мятежниками и пиратами они не являются очень условно, и если вдруг что, решение это подлежит самому скорому пересмотру.

– Точка в этом деле может стать и свинцовой, – подытожил он, – ясно?

Репутация у Медоеда на Африканском континенте самая пугающая, и спорить желающих не нашлось. Проблеяв недружное согласие, моряки, подгоняемые если не энтузиазмом, то страхом, принялись за работу.

Конструкция пакетбота предполагала не только паровой двигатель, но и паруса, весьма не лишние при плавании в африканских водах. С горем пополам подняли паруса, и подгоняемые матом Военгского, направили движение судна в сторону берега.

Поползли, давая едва ли три узла в час и молясь всем богам и святым о том, чтобы успеть. Моряки хотели просто доплыть, а там... хоть трава не расти! Вплывь!

У пилотов же...

... были иные планы.

---

¹² Туги – название индийской секты душителей, действовавшей в Средние века. Эти люди поклонялись богине смерти, у них были собственные ритуалы, специально разработанный лексикон. Им приписывается убийство 1 000 000 человек.

Шестая глава

Арендовать мастерскую с художественной галерей, а хоть бы и без, не вышло. Творческий мой настрой и готовность переплачивать втридорога столкнулись с реалиями, разлетевшись стеклянными осколками.

Художники со всего мира, съехавшиеся в Париж на Всемирную Выставку в отчаянной надежде прославиться, тараканами расползлись по городу, оккупировав мало-мальски подходящие помещения. Годами пустующая сырая мансарда, хоть сколько-нибудь годная под мастерскую художника, и расположенная не вовсе уж в предместьях, сдавалась по ценам совершенно заоблачным. Помещение порой по пять-семь раз меняло арендатора, с каждым разом повышаясь в стоимости.

За мастерские интриговали, дрались и порой дуэлировали, что вовсе ни в какие ворота! Ходили и более дикие слухи, верить в которые было ну решительно невозможно! А потом оказывалось, что – да, чистая правда, притом не вся, на деле же...

... и шёпотом на ухо – вовсе уж компромат и гадость. Верить ли, нет ли... каждый решал сам. Нравы в богемной среде Парижа более чем свободные, порой неприятно удивляя даже моё бывалое альтер-эго. С другой стороны, люди творческих профессий столь же творчески подходят к распространению слухов.

Сплетни, подтасовка фактов и прямая ложь среди них – норма. Встречаются люди, порядочные на первый взгляд, но и они выкидывают порой вовсе уж из ряда вон выходящее. Кажется иногда даже, что будто бы через силу, по некоей обязанности представителя творческого цеха, и если нет за человеком грязных скандалов, то он не Творец, а ремесленник.

Владельцы помещений, раздувшиеся от золота и собственной важности, при одной только попытке поговорить на тему аренды, раздувались африканскими жабами, выкатывая порой совершенно несообразные условия. Я готов был переплатить втрое, вчетверо... но не в десять же раз?!

Самомалейший успех одного из многочисленных художников, удостоенного пары строк в газете, вызывал безумный совершенно ажиотаж как у его коллег по творческому цеху, так и у владеющих помещениями буржуа. Цены ползли и ползли вверх, а самое главное, люди готовы платить!

Безденежные предлагали в отчаянии собственные произведения, посвящения щедрому меценату и даже самих себя... в любом варианте! Раздутый этот ажиотаж, с наркотическим совершенно угаром и решительно нездоровый, превышал все мыслимые пределы здравого смысла.

Один из владельцев, согласившийся на переговоры, несколько раз за время разговора повышал стоимость аренды, а потом и вовсе – выкатил непременным условием собственное возвеличивание моими силами. Буквально вымороженный подобной наглостью, я выслушал-таки предложение. Это было решительно непросто, поскольку буржуа, видя моё молчание, принял его за смиренное согласие, и больная его фантазия генерировала всё новые и новые условия.

– ... будьте любезны прибыть к нам на обед без опозданий, мы пригласим фотографа и соседей, и будет очень некрасиво заставлять их ждать. Расскажите несколько историй... Да! Непременно захватите с собой несколько сувениров! Вы же догадались привезти их из Африки?

– Хватит, милейший, – прервал я токование буржуа и подозвал официанта, оплатив свой кофе.

– Вы не понимаете! – ударил в спину отчаянный вопль, но я даже не стал оглядываться, – Вы...

Сдвинув шляпу к переносью, дабы не быть узнанным, направился бродить по улочкам Парижа, пребывая в самом дурном расположении духа. Обращаться к парижским своим знакомцам за услугой решительно не хочется, хотя тот же Вильбуа-Марейль пользуется колоссальным авторитетом во Франции и настроен ко мне вполне дружелюбно.

Но быть должным... Не имея ничего против генерала, я помню, что он военный и начинающий политик, и стоит только мне оказаться ему должным, как из самостоятельного игрока я рискую превратиться в чужую фигуру.

Не что чтобы я вовсе уж новичок в политике, но это даже не другой уровень, а пожалуй, что и цивилизация. Ориентируясь немного в сложных взаимоотношениях народов и племён Палестины, я не могу пока уловить логику народов цивилизованных, а точнее – представителей так называемого Высшего света. Очень уж много символизма в их птичьим языке жестов и полунамёков, предполагающем у собеседника схожее воспитание, образование и даже мировоззрение.

Племена бедуинов или разнообразные иудейские секты опираются на вывернутую подчас, но всё ж таки логику, которую можно ухватить хотя бы вчерне. Даже сами обычаи их, подчас весьма странные человеку постороннему, всё ж таки предполагают большое снисхождение к гостю. К тому, что он может оказаться человеком из другого совершенно народа и вероисповедания. Полагая себя безусловно правыми и праведными, они не мнят себя центром Мира.

В Европе, как я успел уже убедиться, большое значение имеют формальности и мелкие, неуловимые подчас детали, непостижимые человеку со стороны. С этим нужно если не родиться, то как минимум прожить лет десять, непременно притом вращаясь в Свете.

Стократно сложнее язык жестов, символов и недомолвок. Ошибиться легко, и думая, что ведёшь обычную беседу, можно криком кричать на этом птичьим языке, объявляя себя сторонником, а то и вассалом какого-нибудь политика.

Есть мастера, способные так "сыграть" собеседника, что он не сможет возражать, даже понимая суть происходящего. А уж если не понимает...

Через полгода-год я, пожалуй, разберусь хотя бы немножко в этих хитросплетениях, да и покажу себя заодно хоть каким, а игроком. Не фигурой.

Сейчас же, не имея толком репутации именно что европейской, да ещё и имея за спиной не надёжный тыл, а враждебную фракцию Крюгера, вляпаться могу буквально на ровном месте. Точнее даже – вляпают, это к гадалке не ходи!

И чорт бы с ней, с моей репутацией! Утрусь. Перешагну и дальше пойду. Но это сам. Будучи частью русской фракции Южно-Африканского Союза, подвешен на волоске в этом самом Союзе, рисковать права не имею.

Погрузившись в размышления, я бродил по улицам, избегая инстинктивно людского столпотворения, и забрёл на старые улочки. Не трущобы ещё, но дома не новые, местами с облупившейся штукатуркой и прочими следами небогатой совершенно жизни. Ну и сарайчики и сараюшки, пристроенные кое-где очень утилитарно, добавляли пейзажу уютной реалистичности.

Когда же вокруг начала кружить стайка подростков, я усмехнулся ностальгически, вспомнив милые моему сердцу московские улочки и Молдаванку, с их неизменным делением на своих и чужих, которым так и надо!

– Месье, – неожиданно робко обратился ко мне главный, крепко сбитый парень лет шестнадцати, с намозоленными костяшками кулаков, – вы же капитан Сорви-голова? Можно автограф?

Можно было автограф... и поговорить, и поделиться наболевшим... Вот честно, с поправкой на язык и некоторые, сугубо местные реалии, как дома! Всё ж таки я дитя рабочих предместий, как ни крути!

Загомонили разом, как это водится у парижан и одесситов, но если всем всё понятно, то почему бы и не да?!

– Вы ещё и художник, месье капитан?!

– Самую... – пальцами показываю, – чуточку. Вот мой брат, тот настоящий художник... талант необыкновенный.

– Медоед?! – ахнул один из мальчишек, и снова – галдёж.

– Он самый. А я так... хотел кинетическую скульптуру сделать.

– Кине... что? – осторожно поинтересовался крепыш Ренар, судя по ставшей масляной роже подозревающий что-то очень похабное. Объяснил...

– Месье! – возопил тот, – Так может, и это... пойдёмте!

Сбиваясь то в плотный клубок, то растягиваясь на пару десятков метров, компания наша потянулась тёмными переулочками, годами не видящими солнца. В проулочках этих отчётливо пахло мочой, и не только притом кошачьей.

Но встреченные люди, при всех социальных маркерах рабочих и мелких торговцев, выглядят куда как более благополучно в сравнении с российскими подданными. К немалой моей горечи...

– Вот! – с гордостью сказал Ренар, подводя меня к слесарной мастерской, расположенной прямо на первом этаже. Прямо на улице, под широким навесом работал старик с роскошными совершенно усами из тех, что выращивают годами и лелеют пуще здоровья. Непосредственно в мастерской трудились двое мужчин помоложе, обладающие явным фамильным сходством, и поглядывающие на нас очень недружелюбно.

– Чего тебе, поганец? – покосился на моего чичероне старик, сжимая молоток покрепче.

– Не мне, дядюшка Мишель, – выпятил грудь Ренар, – а вам!

– Дева Мария... – старик уронил молоток и захлопотал вокруг с видом влюблённого юнца. И...

... оказалось, поклонник. То бишь не просто "слышал-знает", а "собирает вырезки" и прочее. Признаться, столкнулся с таким явлением впервые, и стало почему-то неловко. Всё хотелось оглянуться и посмотреть на Того Самого Капитана Сорви-Голову, который, наверное, стоит за моей спиной.

– ... ну шалопай... – улыбался старый Мишель моему проводнику, и тут же – беззубо, но широко – мне. Не зная, как угодить, он всё суетился вокруг, роняя всё и сбивая на пол предметы, норовя прикоснуться, напоить чаем, позвать в гости...

Минут через пять он немножко успокоился, а старая его, и такая же беззубая, но милая старушка-жена, уже хлопотала вокруг, прямо на улице накрывая чай. Говорили все разом, да не только владелец мастерской с внуками и мои сопровождающие, но и едва ли не все соседи, собравшие на интересного гостя.

Мишель цвёл и гордился, я улыбался, кивал, пожимал руки и раздавал автографы. Чуть погодя прибежал замыленный совершенно фотограф, и сорванным голосом велел всем не мигать. Не жадничая, я сфотографировался с хозяевами дома и Мишелем по отдельности, с Ренаром и...

... это было долго.

Два часа спустя, договорившись об аренде и закупке материалов для скульптуры, я удалился прочь, сопровождаемый разросшейся свитой.

– Благодарю, – на прощание крепко пожимаю руку Ренару, и чуть поколебавшись, всё-таки решаюсь довериться парню.

– Газетчики на тебе, потянешь? – тот аж вытянулся и разом построжел, постаршел, почуял... шанс! Короткая раздумчивая пауза... кивок.

Вот теперь – верю! Если бы сразу, без раздумий... тогда бы подстраховался.

Что ж... кажется, всё налаживается, а?!

"– Ни-хре-на!" – отозвалось подсознание, отсыпав щедрой горстью все мои проблемы, а потом разом – общие. Кольнуло сердце... но выдохнув, я наклонил упрямо голову, будто перед драчкой с самой Судьбой.

– Делай что должно, и будь что будет!¹³ – и вот ей-ей – проговорил, и на душе стало хоть и чуть, а легче!

* * *

– ... Сен-Сир, контузия, голоса свьше, пенсия, – озвучил Пономарёнок, пробежав глазами досье.

– В отбой, – хрипло каркнул Сниман, катнув во рту изжёванную сигару и развязывая тесёмки на новой папке.

– Причина? – на хорошем африкаанс поинтересовался благообразного вида старец с глазами фанатика.

– Каста! Кхе! – прокашлялся генерал, пыхнув дымом, – Личная заинтересованность нам не нужна, а копать в его случае будут особенно старательно, уже поверьте! Слишком, кхе-кхе... много товарищей и сослуживцев на высоких постах. Помимо обычного, кхе... государственного аппарата, ещё и личные возможности, а это – риск!

– Резонно, – согласился старец, – и всё же...

– Ложный след? – понял его Пономарёнок, – И куда?

– Запас на... хе-хе! На зиму! – пожал костлявыми плечами старец, – вдруг да и понадобится.

Сниман равнодушно кивнул, и Мишка положил папку отдельно.

– Так-так... – заинтересовался было африканер, – а-а... эпилепсия!

Папка полетела в отбой, и снова, и снова... Многочисленные папки, добытые через десятые руки таким образом, чтобы в случае чего вывести на след, пахнувший отчётливо Британией... или Австрией, США... да кем угодно! Перестраховываясь, заговорщики делали ложные следы, путая их вдвое и втрое. Так, чтобы дотошный сыщик, выйдя на след и распутав его, уткнулся в новый, вовсе уж призрачный... для человека не слишком внимательного.

Трое людей, собравшихся в гостиничном номере, играли в странную игру, правила которой они придумывали здесь и сейчас, опираясь на логику и интуицию. Разные по возрасту и общественному положению, и в тоже время – равные, хотя человеку непосвящённому понять это было решительно невозможно.

– Куда след пустим? – проглядывая очередную папку и отбрасывая её, поинтересовался старец.

– Куда понадобится, – безмятежно отозвался Пономарёнок.

– Однако... протянул старец, – и убелённые сединой мужи переглянулись.

– А если... – осторожно поинтересовался Сниман, – Россия?

– Как частная инициатива высоких сановников – в нескольких вариантах, – отозвался Пономарёнок, не изменившись лицом, – а при необходимости хоть бы и одного из Романовых. Если отбросить именно политическую составляющую, это сделать как раз проще всего.

---

¹³ Первым эту фразу произнес древнеримский император Марк Аврелий. Точнее его фраза звучала так: "Делай, что должен, и свершится, чему суждено".

– Учитель химии, маниакально-депрессивный психоз, – зачитал старец, – и... о как! Считает себя хе-хе... потомком герцога Бекингема и Анны Австрийской! Вариант!

– А ведь и в самом деле, – думая о своём, сказал африканер, – вариант!

– Хм... – отозвался старец и задумался, а после часто закрестился, – прельстительно, до чего же прельстительно! Но... нет пока. Миша, ты пока всех просчитай, а мы пока... хм, подумаем.

– Надо просчитать все последствия, – катнув сигару, каркнул Сниман, – но ведь и правда – вариант!

Седьмая глава

Запинаясь о каждую волну, пакетбот плёлся вдоль побережья Гранд-Комора¹⁴, едва улавливая вялый ветерок растопырившимися парусами, совершенно недостаточными для нормального хода. Обвиснув грязными тряпками, они иногда совершенно опадали, а потом хлопали вдруг под редкими порывами ленивого, будто бы потягивающегося спросонья Эфира. После сонное божество снова впадало в ленивую дремоту, и тихое его дыхание едва касалось парусов "Каллисто".

Капитанствующий Военгский поглядывал озабоченно на хлопоты прореженной команды, растянувшейся на реях, и только ругался сквозь зубы да морщил лоб в попытке найти выход из сложившейся ситуации. Решительно не хватало ни экипажа для нормальной работы с парусами, ни времени на починку двигателя, да собственно, и самих деталей.

Угнездившийся на реях сынишка одного из пассажиров, ёрзая от охватившего его азарта, и всей своей детской душой жаждая Приключения, оглядывал в бинокль горизонт, но видел покамест только блики от длинных волн Индийского океана. Пилоты и экипаж разом надеялись на встречное судно, и опасались увидеть в нём преследователя. Двойственное положение, да при совершенно непривычной для их воинственных, деятельных натур беспомощности, кислотой ело нервы и души.

Морони¹⁵ уже миновали, и океанская трасса, и без того совсем не оживлённая, опустела окончательно. Даже рыбацкие судёнышки не попадались уже несколько часов кряду в опустевшем океане. Были предложения повернуть назад, в порт, но капитан решительно отверг их как негодящие.

– Судно и так-то едва ползёт, – сдерживая раздражение на сухопутных, не понимающих самоочевидных для него вещей, ответил Илья, – и это при попутном-то ветре! Ежели повернуть обратно, так оно вплавь-то быстрее выйдет.

– Н-да... – выдохнул Санька, поводя плечами и всем застоявшимся телом, – так даже? Ладно, ты нас хоть к делу пристрой, а то ажно моченьки нет!

– А... идите вон, – мотнул головой капитан, не отходя от штурвала, – хоть какая помощь!

Плохо понимая непростую морскую работу, лишними пилоты всё ж таки не стали, восполнив недостаток знаний отменной тренированностью и острым умом. Срывая канатами мозоли, они хоть так старались забыться, не думать!

Капитан, хмуря брови и щурясь, всматривался в береговую линию, сложенную из вулканических пород, не находя хоть сколько-нибудь подходящего места. Решительно, чорт побери, не то!

Была мысль высадить хотя бы пассажиров, обезопасив их от неизбежных случайностей. Однако же обстановка на Коморах такова, что нет никаких сомнений, где безопасней – на берегу, с недружественными аборигенами, или на борту судна, преследуемого неизвестными, но всё ж таки европейцами.

Среди белых встречается всякая сволочь, но чем дальше эта сволочь от европейской цивилизации, тем больше она мнит себя её носителями. Обстреляв из орудий мирную деревеньку аборигенов и добив выживших, убийца может весьма предупредительно отнестись к попавшим в беду европейцам, отдав порой едва ли не последнее и ничуть о том не жалея.

---

¹⁴ Гранд Комор (Grande Comore) – самый крупный из Коморских островов. На острове практически отсутствуют нормальные пляжи, зато есть самый опасный в мире действующий вулкан (Karthala volcano). Берег и дно: скалы, песок. Коморские острова представляют собой архипелаг вулканического происхождения, раскинувшийся в Индийском океане, вблизи Африканского материка.

¹⁵ Морони – самый большой город, столица и место расположения правительства Союза Коморских островов, суверенного островного государства.

Если это белые женщины, дети и очевидные некомбатанты, то такого рода поведение считается скорее даже ожидаемым. И хотя некоторые пассажиры "Каллисто" европейцами являлись только отчасти, но в этих диких местах они считались если и не за своих, то как минимум расово близкими. Носителями культурного кода.

– Хоть и суеверия... – сказал наконец решительно капитан, – да што я теряю?

Сбегав в каюту, помор принёс специальную палочку, и старательно не обращая внимания на любопытные взгляды, принялся заговаривать ветер, ругая жену ветра противного и ласково называя жену ветра нужного. Делая на деревяшке засечки, он выбросил её в море, принявшись снова высвистывать ветер.

Пассажиры и экипаж глядели на это морское колдовство во все глаза, но под руки не лезли, памятуя о многочисленных морских суевериях, за несоблюдение которых можно схлопотать если не от самих высших сил, то от быстрых на руку моряков! Получасом позже действительно посвежело, и Эфир туго надул паруса, увеличив скорость хода чуть не вдвое.

Лица у пассажиров сделались задумчивыми и уважительно опасливыми, а у моряков – напротив, разгладились, ибо во все времена квалификация настоящего морского волка подразумевала некую чертовщину! Кто-то из моряков вспомнил о поморах, как о настоящем морском народе, и заходили разговоры по экипажу, путаясь со слухами о Медоеде, и странным образом успокаивая.

Появилась наконец надежда на благополучное разрешение ситуации, и даже работа пошла веселей. Если уж не Божьим соизволением, то хоть с чертовщиной, а вытянут!

– Нет, ну полная же... – и маленький, но увесистый кулак помора сбил Санькин монолог.

– Потом, – веско сказал Илья кхекающему парню, – хоть как, а пока, в море – молчи! Ясно?

Виновато кивнув, Санька постарался выбросить из головы негодящие мысли до более подходящего времени, на сильно потом.

"– Мистика, совпадение... какая, к чер... кхм, без разницы, в общем! Хотя..." – он задумался, вспоминая как своё, так и братово прошлое. Были, значица, моментики...

Запутавшись окончательно в реальных и мнимых странностях, да припомнив разом деревенские суеверия, щедро намешавшиеся в его стриженной голове с африканскими и древнегреческими, Чиж совсем было ударился в мистику, видя едва действия духов едва ли не в каждом движении паруса. Несколько погодя, успокоившись за работой, Санька дал себе зарок написать серию картин мистического характера, и выбросил до поры эту историю из головы.

"Каллисто" резвее побежал вдоль береговой линии, и на душе у всех немного отлегло. Несколько раз на воду спускали тузик¹⁶, и Военский как человек, компетентный разом в морских и лётных делах, отправлялся на разведку, стараясь не раздражаться абсурдностью ситуации.

Наконец, на четвёртый раз он признал берег относительно годным, и пакетботу удалось пристать достаточно близко, бросив якорь метрах в двухстах от береговой линии. Сколотив крепкий парусный плот, для чего пришлось разобрать крепление грузов, и частично – палубу, переправили в первую очередь разобранные самолёты и грузы военного характера.

Задача оказалась нелёгкой, моряки едва не утопили часть груза, решительно все промокли до нитки и сильно вымотались с переутяжелённым плотом. В самом конце уже один из морских волков ухитрился едва не утопнуть на ровном месте. Матерящийся Санька откачивал его, делая искусственное дыхание рот в рот и долго отплёвываясь после.

Потом переправили не сильно довольных задержкой нервничающих пассажиров. Благо, набравшиеся опыта (и облегчившие плот) моряки не оплошали, и хотя все промокли и отчасти

---

¹⁶ Самая маленькая корабельная шлюпка, рассчитанная на одного гребца.

помочили багаж, но серьёзных происшествий при высадке более не случилось. Даже впавшего в забытие бывшего капитана, и пребывающего в состоянии овоща индуса, переправили без проблем.

Наиболее деятельных пассажиров, пресекая разговоры и вероятную вспышку недовольства, отправили на поиски источника пресной воды и разведку. Заросли кустарника, начинающиеся близ береговой линии, особого доверия не внушают, и могут таить неприятные сюрпризы.

На Коморах в настоящее время перманентная анархия, с бесконечными войнами султанов, подавлениями восстаний и попытками французской администрации навести в этом бардаке хоть какой-то порядок. Разумеется, в свою пользу.

Масла в эту горящую свалку султанских амбиций и человеческих судеб подливает Германия, укрепившаяся на восточноафриканском побережье, да повстанцы с французского Мадагаскара, ищущие убежища или сторонников. Случаются и набеги охотников за рабами, раздражающие необыкновенно колониальную администрацию.

Санька кратко, но весьма образно заинструктировал добровольцев, особо упирая на милые местные обычаи и ненависть равно как мальгашей, так и островитян, к белым вообще.

– Без различия не только национальности, но и пола, а также возраста, – подчеркнул он, раздавая оружие из личных запасов, выгруженное из трюма, – Если в руки попадёте, убьют непременно, и повезёт, если быстро.

– Да уж знаем! – с ноткой начинающейся, и какой-то очень личной истерики выкрикнула одна из женщин, упитанная португалка с явной примесью мавританской крови, прижимая к себе сына, рослого губастого парнишку лет четырнадцати. Санька только хмыкнул, покосившись на неё, на что та только крепче прижала сына к себе, будто опасаясь, что его приравняют к мужчинам и дадут оружие.

"– Пусть её..." – мелькнуло в голове у Чиж, всем нутром почуявшего запах боли и крови от этого вскрика. Да и парнишка не выглядит таким уж тютей, но за мать переживает больше, чем за свою репутацию. А та...

... ни сама не боец, ни сыну воевать не даст. Даже если во вред. Выть будет дурниной, цепляться за кровиночку, мешая тому драться, даже если того уже убивают. Знает... насмотрелся.

А жаль, очень жаль, ещё один боец лишним не был бы, хоть даже и такой. Да и потом парню жизни не даст. К юбке привяжет, на что угодно пойдёт, лишь бы рядом всю жизнь, сынок единственный. Не высунуться, не вздохнуть... Санька ещё раз глянул на неё и выбросил прочь из головы. Балласт.

Вокруг выгруженных пулемётов Мадсена наскоро обустроили огневые точки от предполагаемого нападения коморцев. И хотя патронов к ним было прискорбно мало, но сам вид грозного оружия изрядно успокоил как пассажиров, так и моряков.

Воспользовавшись естественным скалистым гребнем и дополнив его валяющимся повсюду местным камнем, быстро оградил лагерь подобием широкой подковы, возвышающейся метра на полтора. Не бог весть какая преграда против серьёзного противника, ну да местные аборигены сойти за такового могут разве только при изрядной доле фантазии и полном небрежении к элементарным мерам предосторожности.

– Ф-фу... – выдохнул Санька, поймав ожидающие взгляды, – в делах сухопутных принимаю командование на себя!

– Есть, капитан! – без тени ёрничества отозвался Военгский, немножко играя на публику, и вместе с Ивашкевичем они взялись за сборку и предполётное обслуживание самолётов. Санька же, ощущая всем хребтом повисшую на нём ответственность, быстро определил людей на работы.

Пассажиры принялись уже серьёзней обустроиваться, достраивая укрепление, сооружая балаганчики и заготавливая дрова, для чего начисто вырубался кустарник на подступах к лагерю. Вскоре вернулись и разведчики, принеся чистой воды и местных дикорастущих фруктов, вполне годных в пищу.

Быт налаживался будто сам собой. Забулькали котлы с похлёбкой на кострах, куда полетела наловленная детворой на мелководье разнообразная морская живность. Засуетились женщины с неизменной починкой одежды, стиркой и купанием, предпринимая для того экспедиции до близлежащей речушки под охраной вооружённых мужчин.

Экипаж принялся подготавливать взлётную полосу, выделив её границы, а затем засыпая ямы и ямки камнем, щебнем и любым сором. Дело не быстрое, но и не такое уж безнадёжное, хотя рабочих рук и не хватает.

Чиж, не желая идти на конфликт с пассажирами, принуждая к работе некомбатантов, пошёл на маленькую хитрость. Не став делить людей на группы, к скорому обеду собрал всех вместе естественным образом. Женщины принялись раздавать галеты и вкуснейшую похлёбку, разлитую по простецким мискам, принадлежащим "Каллисто", и всячески суетились без нужды.

Напряжение висело в воздухе удушливым облаком дымного костра, пованивающего inferнальным запахом сгоревшей человечины. Одна искра, и рванёт всё, да как рванёт!

Скрывая нервозность, ёрзали на нагретых солнцем камнях, часто роняли ложки, вздыхали и прокашливались, ведя то излишне громкие, а то напротив, какие-то сдавленные разговоры. И все – ждали...

Три пилота, семь членов экипажа и почти два десятка пассажиров, с преобладанием женщин и детей. Толпа получилась изрядная, и есть под десятками пар глаз Саньке было неуютно, но он старательно отыгрывал роль человека бывалого, который не видит в сложившейся ситуации ничего особенного. Да собственно, отыгрывать пришлось не так уж и много...

Щурясь, он дул на ложку, неторопливо ел и также неторопливо рассказывал своё виденье ситуации, удерживая фокус внимания. Последнее давалось ему тяжелее всего. Хотя Егор и учил разным хитростям психологического характера, но сказывался юный Санькин возраст, давящий присутствующим на сознательное и подсознательное.

Пассажиры помнили о специфической репутации Медоеда, но очень уж необычная выходила ситуация. Да и репутация, она как бы и есть, но в глазах людей, которых война зацепила разве что тенью, стоила немногого.

Это была не их война и не их герои, а потому и все слухи проходили между побасенками и приключенческой литературой для подростков. Одна ошибка в поведении, и Санька станет для них всего лишь непонятным вооружённым мальчишкой, а не лицом, имеющим несомненное право отдавать приказы.

– Морони, если по прямой, менее чем в сорока километрах, – озвучил он наконец, точно рассчитав момент.

– Рядом совсем, – закивал торговец-армянин, оглаживая иссиня-чёрную бороду.

– По-прямой, – веско уточнил Санька, – тащиться по джунглям, так путь встанет как бы не вдвое больше. Даже если бросить груз – дня три, вряд ли меньше.

– Если кто-то хочет уйти – не держу, – предупредил Чиж вопросы, обведя всех взглядом, – просто помните о местных милых обычаях и о том, что аборигены в здешних пасторальных проживают с рождения, и преимущество в вооружении, даже если оно и окажется у вас, не спасёт от копья, сунутого из кустов.

– И что вы предлагаете? – поинтересовался немолодой сефард, неправильно, но очень агрессивно строя фразу. Выпятив бороду, он подался вперёд, воинственно оттопыривая синеватую нижнюю губу и явно готовясь к оправданиям и долгому спору.

– Я? – деланно удивился Санька, привыкший к подобной публике, и не торопясь, черпнул ложкой, – Я не предлагаю, я делаю!

– Ф-фу... – подул он на варево, – очень вкусно! Сразу видно, настоящие женщины! Это ж надо так уметь, высадиться на диком берегу и сготовить в полевых условиях такую вкуснятину!

Польщённые женщины загомонили, и атмосфера разом стала не то чтобы вовсе уж идиллической, но всё ж таки заметно спокойней. Несколько минут потратили на обсуждение кулинарных рецептов, особенностей приготовления пищи на костре, и matrimониальные планы самого Саньки и нескольких потенциальных тещ.

– Сейчас, – всё так же неторопливо продолжил он, но уже с безмолвной поддержкой женщин, – мы делаем взлётную полосу, и вот тогда-то до Морони окажется ВСЕГО в сорока километрах.

– Вот оно как!? – воскликнул молчавший до времени армянин, и замер сусликом, уйдя в свои мысли и только яростно оглаживая бороду.

Чиж краем глаза покосился на подданного османской империи, более походившего не на купца, а то ли на матёрого контрабандиста, то ли на столь же матёрого боевика одного из революционных партий...

... и успокоился. Непонятный и неприятный занозистый тип, начавший было безмолвную, но явственную борьбу за влияние среди пассажиров, явно переключился на возможности аппаратов тяжелее воздуха. Разом ушло искрящееся напряжение, и стало ясно, что неприятности от Вазгена если и будут, то не в ближайшее время.

Здесь и сейчас этот восточный человек уже планирует что-то безусловно интересное, связанное с летадлами и с борьбой за... или против чего-то. Чиж на таких насмотрелся многожды, и по опыту знал, что вскоре армянин попытается влезть ему в душу, ради своего ли блага, или всего армянского народа – не суть.

Пусть! Есть интересные варианты...

– А это, позвольте, сколько будет время? – влез сефард с горящими глазами, и от волнения строя фразу вовсе уж криво.

– Меньше двух часов в обе стороны, – пожал плечами Чиж, – без учёта покупки нужных деталей, объяснений с колониальной администрацией и прочего.

– Это ж... – Иефет бен Абрахам покосился подозрительно на армянина и нахмурился, не без оснований посчитав того за конкурента. Сефард ещё не знал сам, в чём, но потенциал летадл пробрался к нему в голову и заворочался, гнездясь так основательно, как это вообще возможно.

– А если придут люди с моря? – подался вперёд малолетний португальский вперёдсмотрящий, после совместных приключений чувствуя себя вправе говорить с взрослыми на равных.

Вместо ответа Санька оскалился совершенно по-волчьи, и ответил с уверенностью, которую не чувствовал:

– Если мы будем в небе, то их не спасёт даже Бог!

– Так чего мы сидим! – подскочил сефард, и оказалось внезапно, что этот желчный и неприятный человек – прекрасный оратор, замечательный организатор и что самое удивительное – совершенно двуличный, неутомимый работник.

Оставив у пулемёта Вазгена, и придав ему в помощь востроглазого мальчишку-португальца, пассажиры и экипаж в едином порыве бросились на сооружение взлётной полосы. Сделали носилки из запасных парусов (за которыми пришлось возвращаться на тузике), и растянувшись на десятки метров, принялись за работу.

Таскали камни, щебень и песок, пытались трамбовать самодельными трамбовками, и менее чем через четыре часа взлётно-посадочная полоса была готова. Получасом позже пилоты, играя всё так же на публику, отрапортовали о готовности, и летадла Военгского, под-

прыгивая чуть при разбежке, взлетела, распугивая местную живность неслыханным доселе зрелищем.

– К ночи ждём гостей, – с уверенностью бывалого пессимиста констатировал Адамусь, озирая необыкновенное оживление в джунглях, не думающее стихать.

После литвин с тремя членами экипажа взялся доделывать взлётно-посадочную полосу, подразумевая взлёт и посадку тяжело груженной летадлы без права на полонку или не дай бог – капотирование¹⁷. Доделки не самые серьёзные, требующие не столько рабочих рук и трудового энтузиазма, а скорее острого глаза и хорошего пригляда.

Санька же принялся за сооружение фортификаций, не от большой нужды даже, а желая занять людей, которые от безделья могут выкинуть что-нибудь этакое. Смутно понимая, что при нападении аборигенов подопечные ему женщины наверняка впадут в панику и будут активно мешаться, он определил им фронт работ, наказав огородить лагерь.

Так, по крайней мере, паниковать они будут в тылу, не мешая стрелкам. Да и отступить, ежели вдруг что, будет куда.

Наметив вешками границы, объяснил им суть работ, особо упирая на безопасность детей. Где почва позволяла, делали подобие двойных плетней, засыпая промежутки песком и камнем. Работа монотонная, но вполне посильная для женщин и детей. Убедившись, что у прекрасной половины их коллектива выделились адекватные лидеры, Санька удалился, забрав всех мужчин.

Предстояло ещё вырубить кустарник как можно дальше, и по возможности, устроить хоть каких-то ловушек. При всём своём скептическом отношении к боевому мастерству местных аборигенов, к стойкости своих временных подчинённых он относился немногим менее скептически.

Как нарошно, подобралась удивительная для колоний коллекция личностей травоядных, бестолковых, или напрочь негодных по причине здоровья. Не считая пилотов, сомнений не вызывали лишь Вазген и дон Лижейру, оказавшийся человеком вполне опытным и боевитым, пусть и несколько инертным поначалу. Иефет бен Абрахам, при всех своих достоинствах, человек отчаянно гражданский, а остальные...

... ещё хуже. Доставшийся ему экипаж, из числа непричастных к заговору, не иначе как нарочно подбирали так, чтобы те ни в коем случае не стали бы помехой при злодействе. Трусоватые, неумелые, негодящие... хуже не придумаешь!

Не мудрствуя лукаво и не требуя от гражданских слишком многого, Санька наравне со всеми вырубал кустарник тесаком, копал неглубокие канавки "ёлочкой", да вбивал колышки, заостряя их затем парой ударов. Не бог весть что, но впотьмах уже не побегаешь.

Работы прервали ещё до темноты, не рискуя понапрасну. Отошли за укрепление, и тут же почти раздался ликующий вопль:

– Летит! Летит! Да вон же, вон! – приплясывая, Хосе тыкал пальцами, удивляясь слепоте взрослых, а Санька только в бинокль смог разглядеть вдали птичьи стаи, грозowymi тучами вставшие над джунглями. Потом уже показался крохотный силуэт и донёсся стрекочущий звук, и Чиж подивился наблюдательности и остроте чувств маленького португальца.

– Однако... – качнул он головой, опуская бинокль и делая мысленно пометочку: обратить внимание на дона Лижейру с сыном, и по возможности законтрактовать. Лишними не станут!

Пару минут спустя тяжело приземлился Военгский, выскочив из кабины с ловкостью гимнаста и помогая выбраться пассажиру, французскому военному в ранге капитана. Обменявшись словами, Илья Митрофанович склонился над стойкой шасси и покачал её озабоченно.

---

¹⁷ Капотирование, капотаж, капот (фр. capotage) – аварийное опрокидывание самолёта на переднюю часть («нос») или переворачивание вверх шасси, на «спину», через «нос». Капотирование может возникнуть при резком торможении или наезде передних колёс самолёта на препятствие.

– Ну как? – подбежавший Санька, по механичкой привычке, усвоенной раз и навсегда, озабоченно присел рядом и тут же сконфузился дипломатической своей промашке.

– Жан-Кристоф Дюваль, – протянул ему руку присевший рядышком военный, красивый мужчина лет под тридцать.

– Чиж Александр Фролович, – конфузливо ответил пилот, пожимая руку, – можно просто Александр или Алекс, как удобней.

– О! Тогда просто Жан! – улыбнулся француз, – Я настаиваю! По званию мы равны, а по должности вы много выше!

– Кхм... – Санька, у которого так ловко и красиво отобрали инициативу, смутился окончательно, но француз оказался добрым малым и совершенно не задавакой. Обсудив шасси, как-то незаметно перешли на технические особенности летадлы, даже не встав с корточек. Минут через пять они решительным образом подружились, невзирая на возраст.

Набежавшая толпа окружила француза, закружив его улыбками, рукопожатиями и поцелуями. Обаятельный и очень учтивый, он совершенно обворожил их.

– ... наконец-то настоящий военный, – не без горечи услышал Санька. Впрочем, обида быстро прошла, он и сам осознавал, что ни для экипажа, ни тем паче для пассажиров, представителем настоящей власти не является. Несмотря на верительные грамоты и прочие документы, легитимность разбивалась о тот факт, что неприятности их так или иначе связаны с ним и его товарищами. На Жана, впрочем, Санька нисколько не сердился.

Помощь обещалась быть к утру, и Жан-Кристоф клялся всеми святыми, что раньше – никак!

– Двигатели на стоянке частично разбираются, производя регламентные работы, – разводил он руками, – Вы как механик должны это понимать!

Жану хотелось верить, и Санька старательно понимал, хотя червячок сомнения всё же таки подгрызал его уверенность в новом друге. Всё чудился какой-то подвох, но вот где... Времени на обдумывание решительно нет, и он едва не выбросил свои сомнения прочь, чуть не в последнюю секунду зацепившись таки за мнемонические техники и сделав в памяти зарубку.

На горизонте тем временем заметили судно, и Военгский, прочитал сигналы:

– Стоять! – кривовато усмехнулся он, опуская бинокль, – Приготовиться к досмотру!

– Не ваш? – напряжённо поинтересовался Чиж у француза.

– Нет, – чуть погодя сказал тот, сжимая губы, – судно гражданское, и я решительно...

Но что он хотел сказать, так и осталось тайной. Рывкнула пушчонка на носу пиратского судна, и Чиж с Ивашкевичем, молниеносно повернувшись друг к другу, сыграли в "Камень, ножницы, бумагу".

Пару минут спустя летадла взлетела, и Санька, не слишком удобно устроившись на заднем сидении, ловил в перекрестье прицела приближающийся к берегу вельбот. Короткая очередь из "Мадсена"... с расстояния в полсотни метров Медоед ещё не промахивался.

Патроны прошли наискосок через вельбот, выбивая щепки и мясо. Уверенное движение шлюпки застопорилось, а с пиратского судна открыли ураганный огонь из всех видов оружия, и как бы даже не из револьверов! Второй заход... и вельбот, полный человеческого фарша, закачался на волнах, накренившись на один борт, и кренясь всё сильнее с каждым мгновением.

Адамусь набрал высоту, обходя судно сзади-сбоку, и оглянувшись вопросительно назад, опустил нос летадлы вниз. Не дыша, Санька достал творение сумрачного польского гения, и держа скользкую авиабомбу, ждал...

Несколько томительных секунд, растянувшихся до бесконечности, он выжидал, не мигая глядя на вспышки выстрелов и видя всё новые дырки от пуль на плоскости крыльев, а потом – отпустил.

– Давай! – заорал Санька, и Адамусь задрал нос летадлы вверх и в сторону.

– Попал? – не слыша сам себя, спросил Чиж, опуская голову, – Попал...

Небольшой пожар и большая паника, вот как потом охарактеризовал это Санька. Но это уже сильно потом, а пока...

... он с чувством безнадёги смотрел на оставшиеся авиабомбы конструкции Кошчельного, и не представлял даже, что может вот так – ещё раз...

К счастью, не понадобилось. На судне тоже, по-видимому, не представляли, что на них ещё раз – вот так! Дав задний ход, так и оставшееся безмянным пиратское судно кануло в подступающей ночи, и пилоты сочли за лучшее не преследовать его.

– Давай в заросли! – заорал Чиж, хлопая Ивашкевича по плечу, – Сброшу их на хуй!

Оскалившись нервно, литвин закивал и по широкой дуге прошёл вдоль границ лагеря. Обнаружив скопление людей, Санька с превеликим облегчением сбросил на них бомбы и выпустил из пулемёта несколько очередей в разбегающихся вооружённых людей.

– Ебись оно всё! – ёмко выразил Санька их общее с Адамусем мнение, и литвин, обернувшись, оскалился широко, столь же ярко ощущая отступающее безумие боя. Настроение Чижа стремительно поползло вверх...

... и столь же стремительно ухнуло. Пришло понимание, что это ещё – полприключения! Четвертинка.

Война, да и всё это приключалово, отдающее Стивенсоном и постановкой провинциального режиссёра – ерунда, по большому счёту. Да, всё было по-настоящему, с поправкой на провинциальный уровень неудачливых исполнителей. Их могли ограбить, могли убить, но... нет, бывало и опасней, и хуже.

А вот выпутаться из дружеских объятий Французской Республики без репутационных, временных и политических потерь, вот это задача! И думать ещё о гражданстве режиссёра... или всё-таки режиссёров? И...

... лётка приземлилась, скослив немного на посадке, и Санька, изрядно прикусив язык, выбросил из головы все мысли, кроме единственной.

"– Да твою же мать..." – заезженной пластинкой вертелось у него в черепной коробке, и пожалуй, это была пусть и не самая литературная, но удивительно ёмкая фраза применительно к сложившейся ситуации.

Восьмая глава

Эстетствующие называют порой Бельвиль "неумытым Парижем", но мне этот рабочий квартал стократ милей аристократического Сен-Жерменского предместья или богемных улочек Монмартра. Я шёл по нему, заново знакомясь и испытывая странные чувства ностальгии и почему-то – ревности. Здесь и сейчас это очень французский район, и мне остро не хватает польских мясных лавок, кошерных магазинов и вывесок разом на армянском и французском. Такой знакомый и такой...

... чужой. Не хуже! Нет этнической пестроты и духа космополитизма, но есть дух Франции. Парижа. Рабочего предместья, которое в дни Парижской коммуны сражалось за свои убеждения так неистово, что от пятидесяти тысяч его жителей осталось тридцать!

Они последними сдались под натиском версальцев, и наверное, именно поэтому Бельвиль пусть и рабочий квартал, но никак не трущобы! Небогато живут. Местами, чего и греха таить, действительно "неумыто". Иногда – бедно.

Но нет откровенной нищеты, безнадёги, голода в глазах. Сытые. Не всегда – вкусно, но я за всё время не встретил ни одного ребёнка с рахитом, и ни одного – просящего милостыню.

За это они и сражались, и готовы, если надо, вновь выйти на баррикады. Знают об этом сами рабочие, знают и власти. И считаются... вынуждены считаться!

– Месье! Месье капитан! – остролицая, веснушчатая физиономия мальчишки искрится такой радостью от встречи, что невольно улыбаюсь в ответ, приподняв шляпу. Менее чем через минуты меня уже окружили, загалдели, потащили к мастерской старого Мишеля.

Жму руку Ренару, затем какую-то тонкую и кажется, девчоночью лапку, а потом и всем желающим.

– Месье... – издали улыбается владелец мастерской, распушая усы. В голове нескрываемое облегчение, будто даже и не верил, что приду. Уперевшись руками в костлявые коленки, он поднял себя с табуретки и заспешил навстречу, демонстрируя репортёрам и соседям наше знакомство.

Жму руку так, будто нас фотографируют, даже замираю машинально для позирования. И откуда только взялось...

– Арман Легран, "Фигаро" – энергически трясёт мне руку подскочивший немолодой костлявый тип с кошачьими усиками на физиономии, весьма бесцеремонно оттеснив Мишеля, – очень рад знакомству! Признаться, сложно было поверить, но я сказал себе – какого чорта, Арман! Этот молодой, но талантливый юноша успел показать себя человеком, не склонным к тривиальным решениям! И вот я здесь...

– Месье... – он чуточку умерил напор и перестал наконец трясти руку, пристально вглядываясь в глаза, – вы и правда хотите сделать кинетическую скульптуру прямо... вот так? Шарман!

– Верно, – перехватил я наконец инициативу, – и вы даже сможете поучаствовать в её создании.

– Гхм... Готфрид Беккер, "Берлинер тагеблат", – рука сухая, с характерными мозолями от эфеса, поводьев и гимнастической перекладины. Да и сам подтянутый немолодой пруссак производит приятное впечатление, а не выглядит воплощением всех пороков, как его французский рыбоглазый коллега.

Конечно, впечатление может быть и обманчивое, но кажется на первый взгляд, что Арман откуда-то из...

"– Третьего состава" – любезно откликнулось подсознание.

Весьма вероятно! Такой себе... французский аналог бутербродного репортёра, пишущего всё больше мелкие заметки.

– Аарон Франкель, "Гацефира"¹⁸ – деловито представился молодой мужчина, в котором даже я не опознал представителя жидовского племени. Образцовый такой поляк или литвин, без пейсов и кипы, да и руки тоже вполне себе мозолистые, рабочие. Держится несколько напряжённо, будто ожидая подвоха.

– Докер? – спрашиваю, чуть задержав руку.

– В Гамбурге, почти пять лет, – и оттаивает немного, – так что вы говорили по поводу участия в проекте?

– Пройдёмте! – в мастерской, очищенной заранее от всякого хлама, раскатываю на верстаке чертежи, над которыми сразу все и склонились.

– Вот это?! – с непередаваемой интонацией воскликнул француз, – Прошу прощения... я не должен был...

– Я не обижен, – прерываю его излияния.

– Ничего сложного, – заявляет папаша Мишель, переглянувшись с внуками и в волнении накручивая усы, – Так вы говорите...

– Да, вы можете стать одним из соавторов, если заранее откажетесь от всяких прав на скульптуру и составные её части.

– Я, кхм... – снова переглядка с внуками, – мы готовы! Отказываемся!

– Можно ли нам принять участие? – интересуется иудей решительно.

– Разумеется! Ни в коем случае не настаиваю, но если есть желание – можете не только задавать вопросы и фотографировать, но и стать, некоторым образом, соавторами. С аналогичными условиями.

– Интересно, – шевельнул аккуратными усами Готфрид, – месье Ришар, не найдётся ли у вас какого-нибудь фартука?

Фартуки нашлись, как и время для фотографий. Мишель сиял, а усы его, кажется, светились серебряным светом, когда он замирал, восторженно глядя в объектив.

Необычная деталь – сразу три репортёра с фотоаппаратами, а фотографов ни одного. Как человек, некоторым образом причастный к этой профессии, знаю прекрасно, что сделать качественный снимок не так-то просто, и недаром в редакциях есть отдельная вакансия фотографов.

Беккер явный любитель фотографического искусства, что выдаёт как недешёвая камера с лёгкой треногой, так и явственный опыт человека, не гнушающегося прогуляться с ней по горам в погоне за удачными снимками. Точно офицер... и бывший ли?

Франкель... ну тут вся ясно, от бедности. Газета относительно популярная в определённых кругах, но никак не богатая, а платить одну ставку, пусть даже и с доплатой за таскание треноги, это... узнаваемо.

Легран... первое впечатление, похоже, не обмануло – третий состав. Одноразовая камера на груди, да и сам...

Сияя внутренним светом, Мишель Ришар негромко подсказывал репортёрам, с азартом постукивающим по листовой меди. Они настолько увлеклись этим занятием, что даже забыли об интервью.

– А вы недурственный мастер, месье, – польстил мне старик.

---

¹⁸ «Гацефира» (Ха-Цфира, букв. «Гудок», «Сирена») – еврейская еженедельная газета, выходившая с 1862 по 1906 год. Периодическое печатное издание было основано в 1862 году в Варшаве Хаимом-Зеликом Слонимским с целью популяризировать в широких кругах естественные и точные науки. Газета «Гацефира» сразу получила распространение не только в прогрессивных, но даже в ортодоксальных сферах.

– До вас мне далеко! – зеркалю комплимент, – Нет-нет, месье Ришар, ложной скромностью я не страдаю! Я весьма неплохой слесарь широкого профиля, но до вас мне далеко.

– В самом деле? – вежливо поинтересовался Беккер, не будучи реально заинтересованным.

– Более чем, герр Беккер, более чем! Я, собственно, потому и остановил свой выбор на мастерской месье Ришара. Не только поэтому, разумеется, но в том числе. Он настоящий художник, уж поверьте человеку, которого учили разбираться в искусстве!

– Однако, – удивился пруссак, по-новому глядя на приосанившегося и зардевшегося хозяина.

– Большой мастер, – подтверждаю ещё раз, – Знаете... есть такие люди, которые делают свою работу наилучшим образом, но в силу обстоятельств или из ложной скромности не обретают известности.

– Месье Ришар... – поворачиваюсь к смутившемуся французу, – вы зря убрали мастерскую так уж тщательно. Стоило бы оставить хотя бы десятка три интересных работ.

– Поверьте, господа, – обращаюсь к репортёрам, – оно того стоит!

– Я... сейчас! – мастер срывается с места, и возвратившись через минуту, начинает расставлять образчики по мастерской.

– Вы говорите, вас учили, – вцепляется Легран, без особой охоты возящийся с медью, – а кто? Насколько мне известно, классического образования вы не получили.

– Не получил, – не прекращаю работу, – но смотреть и видеть меня учили люди более чем компетентные. Антиквары и...

... усмехаюсь...

– ... специалисты по подделкам.

Легран вспыхивает восторгом и засыпает меня вопросами. Кто, где, как...

– Это вовсе не секрет, месье. Я не скрываю, что вышел из самых низов общества.

– Расскажите, – не просит, а прямо-таки требует Франкель, – читатели должны понимать, через что вы прошли, прежде чем стать...

– Увольте, – перебиваю его, – не в обиду, но... вы же читали старые сказки? Не отредактированные? Не важно, братьев Гримм или Шарля Перро, просто без цензуры. Ну вот и представьте персонажа такой сказки. Страшенькой! Нет разве что магии, а в остальном...

Усмехаюсь кривовато и не испытываю желания продолжать.

– И всё же вы сумели... – не отстаёт Арман.

– Вопреки, – перебиваю его, – если подсчитать, сколько раз я должен был умереть от голода и побоев, сколько раз меня пытались целенаправленно убить, я до сих не понимаю, как остался жив и относительно здоров. Месье Легран... давайте поговорим на эту тему месяцев через несколько, хорошо?

Француз кивает нехотя, но всё-таки не выдерживает:

– А за это время что-то изменится?

– Так... – повожу плечами, – война никак не отпускает.

– Вы же... – пучит глаза Арман.

– Герой? – чувствую, как губы трескаются в подобии усмешки.

– Ээ...

– Как вы относитесь к монархии? – без излишних церемоний поинтересовался пруссак.

– Я убеждённый республиканец, но к монархии в целом... – жму плечами, – скорее нейтрально, если это монархия конституционная.

– А Романовы? – пруссак не отрывает глаз, и становится ясно, что вопрос много глубже и задан не мне, а нам...

– Мы добрых граждан позабавим

И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

– Это не я сказал, – не отрываю глаз, – а Пушкин Александр Сергеевич много лет назад, и если с тех пор что-то изменилось, то разве что в худшую сторону!

– Вам, немцам, – говорю не только от своего имени и не только Беккеру, а всем... кого бы там он не представлял, – повезло – династия у вас удачная. При всех недостатках именно монархии, Кайзер у вас способен не только сидеть на троне, но и править, и что удивительно – на благо народа.

Пруссак кивнул, и глаза его снова стали – глазами, а не дулами корабельных орудий. Но всё-таки... может быть и сильно зря, но проговариваю:

– Когда-нибудь монархия в Германии сойдёт со сцены истории, уступив место республиканской форме правления, как более передовой. Но у вас этот процесс имеет все шансы стать если не полностью безболезненным, то хотя бы – бескровным.

Говорим долго и обо всём на свете. Африка, Палестина и Россия.

– ... представьте себе людей, у которых нет ни образования, ни квалификации, и которые, чтобы просто прокормить семью, должны работать на низкооплачиваемой работе. На износ! Нет ни времени, ни сил на учёбу и чтение, да даже и нормальный отдых. Если каким-то чудом остаются силы и время, они хватаются за подработку, такую же низкооплачиваемую, или копаются у себя по хозяйству.

– На досуг нет ни времени, ни сил, ни денег, потому что жизнь не только его, но и всей семьи – на грани выживания. Голод – постоянный их спутник.

– Нет ни путей для развития, ни денег, ни времени, ни даже положительных примеров. Вокруг, в этом королевстве кривых зеркал, живут такие как они, и дети поколениями вырастают в этой страшной сказке, не видя иной жизни, считая её за норму.

– Это, – кривлю зло губы, – ловушка бедности. Ловушка, выстаиваемая нарочно королевством Кривых Зеркал и одобряемая Церковью. Вырваться из неё почти невозможно, представители низших сословий не могут получать образование.

– Вы...

– Исключение, – перебиваю Аарона, – редчайшее! Вопреки всему. Можно сказать, что я взломал Систему, но нужна – массовость! Нужны школы и больницы – для всех, и нужны законы. Республика! Рождаться она будет в муках, в крови... но любые почти жертвы – оправданы!

– Ужасы Французской Революции не пугают вас?! – подался вперёд Беккер.

– Нет! И вас бы не пугали, если бы жили... – мотаю головой, – там! Когда каждый год по весне умирают от голода дети и старики миллионами. Когда могут ссылать на каторгу за иное вероисповедание, и когда вас могут – бить! По закону.

Накал разговора понемногу снизился, и пошли обыденные совершенно разговоры о том, как мне понравился Париж, да как я нахожу буров, и как-то так незаметно мы и...

... сделали всю работу. Благо, вариант я выбрал достаточно эффективный, но весьма простой в исполнении, многожды просчитанный, а после и проверенный на плотной бумаге и картоне ещё в Африке. Но разумеется, в этом я не признаюсь.

– Вот и всё, господа, – говорю совершенно буднично, начиная собирать конструкцию из толстой проволоки и лепестков тончайшей меди. Полчаса работы, и скульптура, закреплённая над мастерской Ришаров, начинает вращаться.

Несколько фотографий...

... и я удалюсь по-английски, пока не затоптала собирающаяся толпа.

Девятая глава

– Ёб твою мать! – вскинувшись на мокрой от пота постели, машинально ишу сигареты, и только потом вспоминаю, что бросил курить ещё в прошлой жизни.

– Звучит как, а? – невесёлая усмешечка сама лезет на лицо, и скинув на кресло тонкое байковое одеяло, влажное от пота, я встал у открытого окна, глядя на ночной Париж. Окна моего номера выходят в чистенький тихий проулочек, насквозь благопристойный и даже пожалуй, мещанский. Наверное. В другое время.

Всемирная Выставка внесла свои коррективы, и железные рыбины поездов ежечасно мечут людскую икру. Тысячи туристов прибывают каждый час, и все почти жаждут увидеть Париж. Настоящий... что в понимании большинства означает – пропитанный пороками.

Почтенные буржуа из европейской глубинки, благонамеренные и робкие, не смеющие даже в борделе мечтать о чем-нибудь этаком, прибыв в столицу Европы, пускаются порой во все тяжкие. Отрываются за все годы ханжеского воздержания, подчас переходя все границы.

Высунувшись в окно, не без интереса понаблюдав при свете тусклого уличного фонаря за стараниями немолодого месье, с ревматическими стонами охаживающего кокотку. Захотелось созорничать, и уже придумал было, как буду его подбадривать, как понял с немалым конфузом, что дама-то – из приличных. Знакомая притом. Ну... все мы люди.

Отмокая под прохладным душем, вспомнил сценку и понял, что давненько у меня не было... да собственно, почему бы и не да? Фира ещё совсем ребёнок, а у меня... хм, надо бы найти кого-нибудь для утех плотских, пока руки не стёр.

После, напившись воды, снова лёг спать, не накрываясь уже одеялом. И пожелал мысленно, чтобы сон – просто сном был, пусть даже и сотню раз бестолковым.

Слов нет, как забодала эта военно-морская ебень! Стократно уже парировал во сне удар штыка или сабли, и ведь понимаю иногда, что – сон! Но кажется, что если не парирую, не вернусь, то и не проснусь... так-то.

* * *

– Ничо, – срывающимся голосом подбодрил сам себя справный мужик Серафим, – и не такое...

Показывая пример молодым, он ступил на шаткую доску, и пересёк её, подобно гордому льву – на четвереньках.

– Давай, радимья! – подбодрил он мужиков уже на той стороне, – Не робей! Сверзишься, так в воду, а тама, глядишь, и подберут! Я чай, не утопнешь!

– Да зачем енто, Серафимушка?! – заскулил земляк, – Всю жизнь на землеце плотно стояли, на ногах...

– Никшни! Я тебе, Семён, покудова мы на курсах, так господин сержант, внял!? А насчёт зачем, так енто поумней тебя люди придумывали, сам Егор Кузьмич, так-то!

– Ну раз сам... – прерывисто вздохнул Семён, и встав на четвереньки, шустро прополз по доске, не переча авторитету земляка и благодетеля.

– Ф-фух... – шумно выдохнул он на той стороне площадки, отжимая разом взмокшую бороду, – мы када на желтовских в позатом годе втроём нарвались, и то не так страшно было!

– Как жа, помню... да мне зубы-то не заговаривай! – спохватился Серафим, – Давай-ка вниз!

Выдохнув несколько раз, Семён поправил винтовку и ранец, после чего принялся аккуратно сползать с площадки, нащупывая ногой перекладыны. Распластавшись на досках всем

телом, он медлил, опасаясь сверзится вниз, и потому даже не спускался, а скорее сползал огромной милитаризованной медузой. Вцепившись наконец в перекладину руками, мужик шумно выдохнул, и пополз вниз уже шустрее, без прежней опаски.

– Давай, радимья! – подбадривал тем временем Серафим своих подопечных, – Устин! Я те устрою... живо давай! Если мне за тобой придётся взад переходить, я-то перейду, а ты у меня перебежишь! Ну!

Спровадив наконец последнего вниз, и готовый в любой момент подхватить того за шиворот, он наконец и сам спустился, тихохонько матерясь под нос.

– Да ёб твою... прости, Господи! Сам же... ф-фу...

Спустившись, Серафим отряхнулся без нужды, желая скорее потянуть время для восстановления душевного равновесия, и тут же зорко прищурился. Он не столько искал недостатки, сколько пужал мужиков – дескать, бдю!

– Ну, християне, за мной! – и потрусил вперёд, показывая пример. Бег по полю, изрытому ямами и яминами, он так и ничево, привышен. Тута главное што? В оба-два глядеть под ноги да по сторонам, да понимание иметь, куда ступать! Чай, не горожане, непривышные к бездорожью да буеракам.

– Давай... – отстал он, ловя хвост жидкой, тяжело пыхтящей колонны, – Устин! Да ёб твою мать! Черепахер на сносях, прости Господи!

Запыхтев махорошно, Устин прибавил шагу, потому как за господином сержантом не пропадёт! Руки не распускает, этова нет, а придумать такое могёт, што лучше бы и в морду!

Перед препятствиями остановились, поджидая прочих и перевода дух. Опосля, под смешки, начали перелазать разными способами – то в одиночку, а то и цельным гуртом, помогая друг дружке.

Показав несколько раз как надо, Серафим взгромоздился на забор, откуда взялся подбадривать мужиков, устроившись со всеми удобствами.

– Фёдор! Ну итить... ты што, за яблоками в чужой сад никогда не лазал? Чисто кобель на заборе раскорячился! Ты што там, яишницей за кирпичи зацепился?

– Вы погодите! – угрозился Серафим мужикам, спрыгивая с кирпичного забора назад, – Это ведь так, прогулка! Променед! Для пушего понимания процессу, так-то, православныя!

– В бога душу мать такую прогулку! – забожился один из мужиков, нервенно поправляя винтовку, – Это ж какого такого овоща над добрым человеком издеваются?!

– Никшни! – Серафим возник рядом совершенно озверелый, – Над тобой, скотина, не издевается никто, а уму-разму учит! Тебя из Расеи вытащили, поют-кормют как не в себя, да ещё землицей грозятся одарить лет через несколько. Назад захотел?!

– Дык ты не сердчай... не сердчайте, господин сержант! – не на шутку струхнул мужик, проникнувшийся уже сытым патриотизмом Русских Кантонов, – Это так, в сердцах...

– Тьфу ты! – сплюнул наземь справный мужик из Сенцово, – ну што ты будешь делать? Олухи царя небеснова! Вы думаете што, за-ради дурости чей-то стараемся? Шалишь!

– Всё... всё на собственной шкуре испытано! – для убедительности сержант похлопал себя по мосластому загривку, – Всё пользительно, ну ничевошеньки тута лишнево нетути! Вы што думаете, на поле боя по шоссе ходить будите, да с развальцей и руки в карманáх? Ха! Всё больше по буеракам и овражинам, да то бегом, а то и брюхе! Змеями исхитрялись, по несколько вёрст порой ползали. Пуза стирали так, што мало не чешуя змеиная выросла!

– Ну это-то да, а по досочкам-то зачем? – набрался чужой отваги Устин, боящийся высоты пуще хорошей драчки.

– А ты думал лишнее?! – вылупился на него Серафим, – мостов и мосточков здеся эвона... взорвали ежели, то так вот перебиралися иногда. Досочки на быки, и по им, да не ползком, и бёгом иной раз! Вот где жуть! Особенно когда крокодилы внизу, так-то... Да и другово чево, штоб на высоте – хоть жопой ешь! Кушайте, не обляпайтесь!

– Мы с Костой, да с Владимиром Алексеичем не один раз с англами в ку-ку играли! – подался он в приятные воспоминания, – Залезем, значица, куда повыше, а с высоты-то... мать божия, ох и виды! Сидишь во благе, да шелкаешь вражин одного за одним!

– А коли заметили... – он передёрнулся всем телом, – так бегом бечь надо! Да опять жа, уметь с высотыи спускаться правильно и без страху!

Мешая реальные случаи с чужими байками, справный сержант Серафим из Сенцово поучил малёхо новобранцев из территориалов, заодно давая время отдохнуть.

– Да-а... протянул Семён на правах земляка и старого приятеля, – ох и многонько нам учиться придётся!

– А то ж! – ухмыльнулся Серафим, – И мне с вами, а потом ещё отдельно от вас, так-то. Эти... курсы повышения квалификации! Отдельно ещё от вас буду пластаться, так-то!

– А ета... стоит ли? – осмелел Устин, – Да ты не серчай, Серафимушка! Ну то есть господин сержант!

– Жить хочешь? – поинтересовался командир, – Долго и щасливо?

– А? Агась...

– Ну так и не жужжи! Здесь не Расея, и воевать когда придётся, так не за царское и барское будем, а за своё кровное, так-то! За землю да волю, да щасливую долю. А ежели кто желает на плацу ать-два и грудями пули ловить за чужую золотопогонную придурь, так ето ему назад. Всем обчеством, значица, такому дурню на билет скинемся!

– Га-га-га! – порадовались мужики немудрящей шутке, отдохнув мал-мала.

– Ну... окинул их взглядом командир, – побежали! Нам ещё через кротовины протискаться, а потом и штыковому. Ничо... не стоните! Потом сполоснёмся и обедать, а тама уже полегше – в классах сидеть будем, да в оружии ковыряться. Оно тоже не лёгко, но уже для башки. Умственная тренировка, значица. Бегом, православныя!

* * *

Потягиваясь и зевая с подвывом, Мишка вышел из своей спальни, и как был в пижаме, плюхнулся рядом на диван.

– Уже и умылся, а всё никак проснуться не могу, – пожаловался он квёло, растирая глаза.

– В душе ополоснись, – советую ему, не отрываясь от прессы и кофе.

– А... веришь ли, сил даже нет. Сейчас позавтракаю, так может и залезу. Што там пишут?

– Разное, – жму плечами, – или тебе интересно о нас вообще и обо мне в частности?

– Угу... – и снова эта зевота.

– Отоспись ты наконец, сил нет смотреть!

– А... – отмахнулся брат, – сейчас ещё дней несколько сплошного аврала, а потом затишье обещается, тогда и отосплюсь вволю.

– Ну-ну... зарекалась свинья в грязи не валяться. А пишут... – я перелистнул несколько страниц, – нормально пишут. О Южно-Африканском Союзе в целом – без изменений. Благожелательно, но всё больше на торговые договора и концессии упирают, а не на высокую духовность африканеров.

– Духовность! – брат ажно хрюкнул со смеху, но зато почти проснулся, – Эт да! Пообщались, значица, поближе! С носителями духовности!

– Угум. К нам... да скорее с симпатией, но прослеживается, знаешь ли, этакая высокомерная нотка.

– Даже так? – проснулся Мишка и почесал нос, – Сможешь оформить свои соображения и чуйки в нечто удобоваримое?

– Хм... не быстро, – соглашаюсь нехотя, – Вчерне, так за два-три набросаю, а чистовик скоро не обещаю. Сам знаешь, сколько на мне висит.

- Хоть так! Будем хотя бы видеть, как ситуацию корректировать.
- И нужно ли вообще её корректировать... – пробормотал я.
- А?!
- Нет, правда, – откидываюсь назад, полуприкрыв глаза, – Высокомерие, оно в статьях и правда есть. Но такое, знаешь ли... сентиментальное, родственное почти. По крайней мере – пока.
- Братские чувства? – моментально сообразил Мишка.
- Они! Образ безусловно младшего, но всё-таки брата... как?
- Хмыкнув озадаченно, он не стал отвечать, отобрав у меня прочитанную прессу и наливая себе кофе. Перелистав газету, наткнулся на заметку о моей скульптуре, и поднял глаза.
- В переулке? Лучше места для скульптуры не смог найти?
- Лучше и не бывает! – отвечаю с уверенностью, которую не вполне чувствую.
- Пятнадцать тыщ народу за вчера только, чуть не подавились! – потряс он газетой.
- Значить, работает!
- Н-да?
- Пф-ф... Миша, ну ты вот тактик и стратег, и в шахматы уже немногим хуже меня, а... ладно! Концепция продумана от и до!
- В проулке?!
- В нём! Несколько дней народ будет давиться анчоусами в банке, создавая заодно ажиотаж. Создадут-создадут! Народищу в Париже много, хоть один из тыщи, а приедет, и што он увидит? Давку! Ажиотаж! Значит, не зря ехал, можно... и нужно рассказать. Хорошо ли плохо... но разговоров будет много!
- О как...
- Угум. Потом, как бы уступая давлению общественности, я разрешу... разрешу, понимаешь? Перенести... временно, из проулка – на один из проспектов Бельвиля.
- С условием! – подымаю палец, акцентируя внимание, – Вернуть по окончании Выставки скульптуру на прежнее место.
- Подарить задумал? – прищурился брат, – Не жалко?
- Нет на полтора вопроса! Подарить – да, но не Ришарам, а кварталу Бельвиль. И непременно с условием, што висеть скульптура будет над мастерской Ришаров, а буде та закроется, то над мастерской лучших медников-жестянщиков Бельвиля.
- Мудрёно, – протянул он с нотками сомнения.
- Миш-ша... – качаю головой, – всем-то ты хорош, но вот ей-ей – выпасться тебе пора! Я же кварталу не просто скульптуру, я ему Историю дарю! Городскую легенду!
- Н-да... а пожалуй, – согласился он наконец, взяв паузу на раздумье, – красивая долгоиграющая легенда, и в рабочем квартале Парижа ты уже желанный гость. А через тебя и мы... так? Дай-то Бог...

Десятая глава

Переполненный мочевой пузырь разбудил седьмого герцога Бекингема около полуночи, и Его Светлость, сев на разом просевшем перьевом матрасе, опустил босые ноги на пол, нашаривая домашние туфли и зажигая свечу. Вытащив из-под высокой кровати с балдахином фарфоровый ночной горшок, он приподнял крышку, задирая одновременно подол ночной рубашки.

Зевнув, Его Светлость уже приготовился опустошить мочевой пузырь, но сонные его глаза углядели некоторую несообразность на дне сосуда.

– Знак! – воскликнул он, усилием воли прерывая начавшийся попис, брызнув каплями на прикроватный коврик, – Несомненный знак!

Схватив ночной горшок, герцог с возбуждённым видом принялся рассматривать узоры герба, солями урины отложившиеся на фарфоре. Однако же мочевой пузырь напомнил о себе, и Его Светлость, пометавшись маниакальным взглядом по мансарде, выплеснул из вазы на улицу воду вместе с изрядно подвядшими полевыми цветами, и облегчился в опустевший сосуд.

– Знак, – повторил он уже спокойнее, и благородное его чело заволоклось морщинами.

– Сама судьба говорит со мной, – уже тише повторил мужчина и заходил по мансарде, заложив за спину руки в непроходящих ожогах от химикатов. Полы поскрипывали, и Его Светлость быстро опомнился, вспомнив про сварливую квартирную хозяйку, проживающую прямо под ним. Опять будет напоминать, старая карга, что он живёт из милости, попрекая милосердием!

Тонкие чувственные ноздри аристократического носа гневно раздулись, но герцог сдержал порыв благородного гнева. Плебс никогда не понимал аристократию, но грешно гневаться за это на убогих Духом!

– Знаки повсюду, – трагически сказал он, встав у раскрытого окошка и глядя сверху на ночной город. Еле уловимое дуновение душного ветерка не охлаждало разгорячённый разум Его Светлости, и капли пота жемчужинами выступили на благородном челе.

Глядя в окно, герцог мысленным взором видел не мешанскую улочку, а Сен-Жерменское предместье, Лувр и Версаль.

– Придёт день... – сказал он, и шёпот ночного ветра сложился еле слышимыми словами.

– Знаки, – повторил Его Светлость, маниакально раздувая ноздри и нервно сжимая кулаки, – знаки...

Встретив поутру квартирную хозяйку на лестнице, Бекингом величественно склонил голову, проходя мимо.

– Доброе утро, месье Трюшо! – ввинтился в его уши пронзительный голос со склочными нотками.

– Доброе... мадам Бертран, – процедил он сквозь зубы, с ностальгией вспоминая те блаженные времена, когда простолюдины были счастливы уже от того, что смели дышать одним воздухом с аристократами.

– Опять пилюли забываете пить, – покачала головой мерзкая старуха, и герцог вскинулся было, чтобы ответить плебейке, как подобает, но только улыбнулся криво, наученный опытом.

– Ну... ступайте! – мадам Бертран хлопала его по руке, и Его Светлость с трудом удержался от гримасы омерзения, – Хорошая прогулка ещё никогда не была во вред!

Вскинувшись было, Его Светлость чудовищным усилием воли смолчал, стиснув челюсти. Держась с достоинством истинного аристократа, он с искренним омерзением обзревал окружающую его убогую действительность, еле заметно склоняя головы в ответ на приветствия соседей.

– Месье Трюшо! Месье Трюшо! – догнал его запыхавшийся раввин, – Ф-фу... староват я для спортивной ходьбы, хотя и в молодости не был атлетом, н-да... Впрочем, Циля полюбила меня не за атлетизм, а за острый ум и... Да, месье Трюшо, Давид интересовался, вы по-прежнему даёте уроки?

Сдержав гнев, Его Светлость склонил голову. Будучи потомком столь славного рода, владеть жалкое существование на крохотную пенсию учителя химии и подработки репетитора... как это унижительно! Плебеем хватило бы этих жалких сумм, но нужны деньги на достойную одежду, на работу в архивах и...

... о, его день придёт!

– Опять пилюли забываете пить, месье Трюшо? – раввин укоризненно покачал головой, – Ничего, ничего... так что? Вы согласны? Вот и хорошо! Давид будет очень рад, он крайне высокого мнения о ваших способностях! Если бы не... Ну, до свидания, месье Трюшо! И не забывайте о пилюлях!

Сознание герцога будто разделилось, и одна его часть принялась размышлять о виденном у антиквара подсвечнике семнадцатого века, который он теперь сможет выкупить, другая...

... вела тело по улице Розье, что в квартале Тампль, кивками отвечая на приветствия представителей низших классов, с горечью осознавая уровень своего падения. Он, герцог Бекингем, долженствующий жить в Бекингемском¹⁹ дворце или как минимум в одном из особняков предместья Сен-Жермен, прозябает в квартале Тампль, обители жидов, эмигрантов и...

... рабочих!

Аристократическое чело Его Светлости, полное высоких дум, вызывало трепет и...

– Па-аберегись! – и тележка старьевщика, влекомая осликом, проехала мимо, обдав затхлыми запахами лежалого тряпья и каких-то отбросов, задев герцога бортиком.

Резко развернувшись, Бекингем в бессильной ярости стукнул тростью по ободу колеса и замер, глядя на куль со старьём, поверх которого, придавленная разным хламом, лежала кипа газет с грубой бородатой физиономией крупным планом. Бородач с куля кривился насмешливо, с вызовом плебея, взлетевшего на самый верх и занявшего...

... чужое место.

– Чужое, – повторил Его Светлость, хмуря лоб и крепче сжимая рукоять трости. Постояв так некоторое время, он кивнул своим мыслям и зашагал по улице, но уже не отстранённо, а внимательно оглядываясь по сторонам. Выглядело это подчас несколько странно, когда остановившись, Его Светлость вглядывался в свежие царапины на штукатурке, или в облезлую герань, стоящую в окне.

– Сам город говорит со мной, – лихорадочно прошептал герцог, кусая губы, – он... он признал меня! Зовёт!

Прогулка по Тамплю более не казалась Его Светлости недостойной, плебейской, низкой...

– Если даже бедные кварталы признали меня, – шептал он, – сами камни, сам дух Парижа!

Ранее тяготящийся такими променадами, Его Светлость внезапно понял, что аристократическими местами для прогулок должно считать те, где изволит прогуливаться Он! И если Ему угодно прогуливаться по улице Розье, мимо жидовских и арабских лавок, то самим своим присутствием он освящает эти тёмные узкие улицы, делая аристократическими.

– Я, – выговорил Бекингем с великолепным чувством собственного достоинства, – более человек предместья Сен-Жермен²⁰, чем его жители!

---

¹⁹ Он же Букингемский.

²⁰ "Человеком Сен-Жерменского предместья" называли представителей старой знати, консерваторов с монархическими (сохранившими верность старшей ветви Бурбонов) убеждениями, даже если они жили в других районах. Это скорее социальный маркер, чем прописка.

Вышагивая с превеликой важностью по улицам Тампля, будто разом прозрев, он смотрел вокруг и видел повсюду знаки, незримо узами протянувшиеся от древнего Ордена Тамплиеров к роду Бекингемов и к нему лично. Поразившись их числу, Его Светлость вынужден был признать собственную слепоту.

– Будто сама рука Судьбы подтолкнула меня поселиться именно здесь, – негромко сказал он голосом, полным трагизма.

– Вы что-то сказали, месье Трюшо? – добродушно поинтересовался пузатенький лавочник, вставший в дверях с трубочкой.

– Вам показалось, – процедил сквозь зубы Его Светлость, и представитель третьего сословия покивал благодушно, пуская кольца дыма с видом человека, напрочь забывшего как разговор, так и самого герцога.

Дойдя до Карро-дю-Тампль²¹, Бекингем с тоской, непостижимой плембу, долго вглядывался в здание рынка. И чем больше он вглядывался, тем больше проступал тот старинный замок, разрушенный много лет назад. Кажется, что отворятся вот-вот двери Храма, и выйдут из сурового Прошлого в изнеженное Настоящее братья Ордена Тамплиеров! Стальными клинками освященных мечей, закалёнными в крови неверных, они...

– Прошу прощения, месье, – на дрянном французском извинился грубиян. Дёрнув плечом, Его Светлость постарался дать понять всё своё возмущение...

... спине наглеца, удаляющегося прочь.

Осталась лишь глухая досада и тоска по несбывшемуся. Если бы не этот...

... бур.

Если бы не он, то... кто знает? Может быть, отворились бы двери разрушенного Храма, и вышли бы братья Ордена, и...

... всё было бы по-другому. Лучше. Правильней. Всё бы тогда изменилось, и он, герцог Бекингем, забыл бы настоящее как страшный сон, проснувшись в своём особняке.

Возвращаясь той же дорогой и пребывая в дурном настроении, Его Светлость изволил гневно постукивать тростью по булыжникам мостовой и метать молнии из глаз. Ещё больше он разгневался, заметив того самого бура, занявшего чужое... его место!

Крюгер нахально взирал на Бекингема с театральной тумбы, и какой-то прохожий успел уже прорезать портрет бура поперёк лица. Сей акт вандализма несколько примирил Его Светлость с раздражающей действительностью, и фыркнув презрительно, он ткнул в бумажное лицо кончиком трости.

Местный плебс не безнадёжен, и каким-то животным чутьём они понимают иногда...

– ... слышал?! – ворвался в его уши голос юнца, возбуждённо рассказывающего что-то своему товарищу, – Зарезал! Как цыплёнок!

Они поспешили дальше, а Его Светлость, пребывая в задумчивости, изволил направиться в свои апартаменты в мансарде.

– Как цыплёнок, – повторил он, поднимаясь по лестнице.

– Цыплёнок? Хорошо, месье Трюшо, – закивала домовладелица, – будет вам цыплёнок! Вы только пилюли пить не забывайте!

... а по улице побежали мальчишки, убирая знаки. Играючись!

* * *

– Не слишком ли сложно? – поинтересовался я, забрав у брата тетрадь с пометками и рисунками, которую и листаю лениво, не слишком вникая в детали, – Шахматная партия иной раз попроще бывает.

---

²¹ Буквально "квадрат храма".

Мишка вместо ответа дёрнул плечом, забрался на диван с ногами, и соизволив ответить лишь после томительной паузы, устроившись наконец поудобней.

– Не слишком, – моргая воспалёнными глазами, глуховато сказал он, подкладывая под голову диванную подушку, – Копать будут на три версты вглубь и на пять вширь.

– Потом и говорю, што излишне сложно! Чем больше элементов имеет система, тем меньше её надёжность.

– Не тот случай, – ответил брат после тягучего зевка, – это разные... хм, механизмы. Каждый из них выполняет самую невинную функцию, и самый пристрастный следователь не найдёт ничего серьёзней мальчишеских шалостей и мелких пакостей, которые соседи устраивают друг другу. Причём не... хм, Его Самопровозглашённой Умалишённой Светлости.

– Допустим, – соглашаюсь нехотя, зная братьев перфекционизм, – а следы в нужных направлениях?

– А... – отмашка рукой и снова зевота, – безличностные. Окурки папирос нужной марки, помада²² британского производства и прочее. Грубо и нарочито.

– Хм...

– Шахматная стратегия, на несколько ходов, – Мишка зевнул, и встав решительно, кинул тетрадь в пустой камин и поджёт её, внимательно проследив, чтобы прогорел каждый листок.

– Дай угадаю... грубо и нарочито, чтобы в дипломатических кругах могли разводиться руками и ссылаться на явную провокацию, а народ, тем не менее, нашёл бы повод для беспокойства и надавил на правительство?

– Всё-то ты понимаешь, – усмехнулся брат, разминая шею, – Дипломатические отношения не будут разорваны, но сторона, подготовившаяся к ситуации, получит... хм, возможности. Потом уже расследование и неприятности, которые, как я надеюсь, ударят по Великим Князьям и далее.

– А если не выйдут через них на англичан-подстрекателей?

– И это хорошо, – ответил он с усмешкой.

– Пожалуй. А этого... не жалко?

Дёрну щекой, Мишка долго молчал.

– Деградация личности, – ответил он наконец, – несколько лет... а так хоть в историю войдёт. Но знаешь? Даже будь всё иначе...

На душе стало тяжело, но переглянувшись с братом, я медленно кивнул, признавая его правоту. Сколько крови мы пролили, и сколько ещё прольём...

... и ни о чём не жалею!

---

²² Здесь – помада для волос.

Одиннадцатая глава

Проснувшись от криков мальчишек-газетчиков за окном, Евгения Константиновна долго лежала в кровати, проникаясь парижской действительностью и наполняясь непреходящим счастьем. Никаких больше неврозоз и бессонных ночей, и былой её покровитель, оставшийся в Петербурге, вызывал уже не страх, а ликующую, восхитительную первобытную ненависть! И недоумение...

... почему она так долго терпела? Ведь достаточно было просто переехать в другую страну, и страх, неизбывной занозой сидящий в душе, выброшен прочь. И пусть душевные раны ещё ноют, а шрамы от них останутся до конца жизни, но оказывается, нужно было просто сделать шаг!

Покровитель, ставший тираном и мучителем, остался в прошлом, и лет через несколько останется в памяти персонажем детской сказки, наравне с кикиморами, анчутками и прочей бесовщиной. Будет иногда вспоминаться бывшее в непогожие и несчастливые дни, собираясь из теней по углам неприятными жутиками, да и пожалуй – всё!

Нет больше липкого страха, и если она понимает мужчин, то скоро она прочтает о скоропостижной смерти верного Сына Отечества! Очень уж характерный прищур был у Егора, когда он слушал о бывлом покровителе. Будто целился...

– Бах! – сказала она одними губами, и рассмеялась, придя в самое чудесное расположение духа. Потягиваясь по-кошачьи всем своим красивым телом, женщина разыгралась, и начала совершенным образом мурчать и извиваться, не обращая внимания на задрывшуюся ночную рубашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.